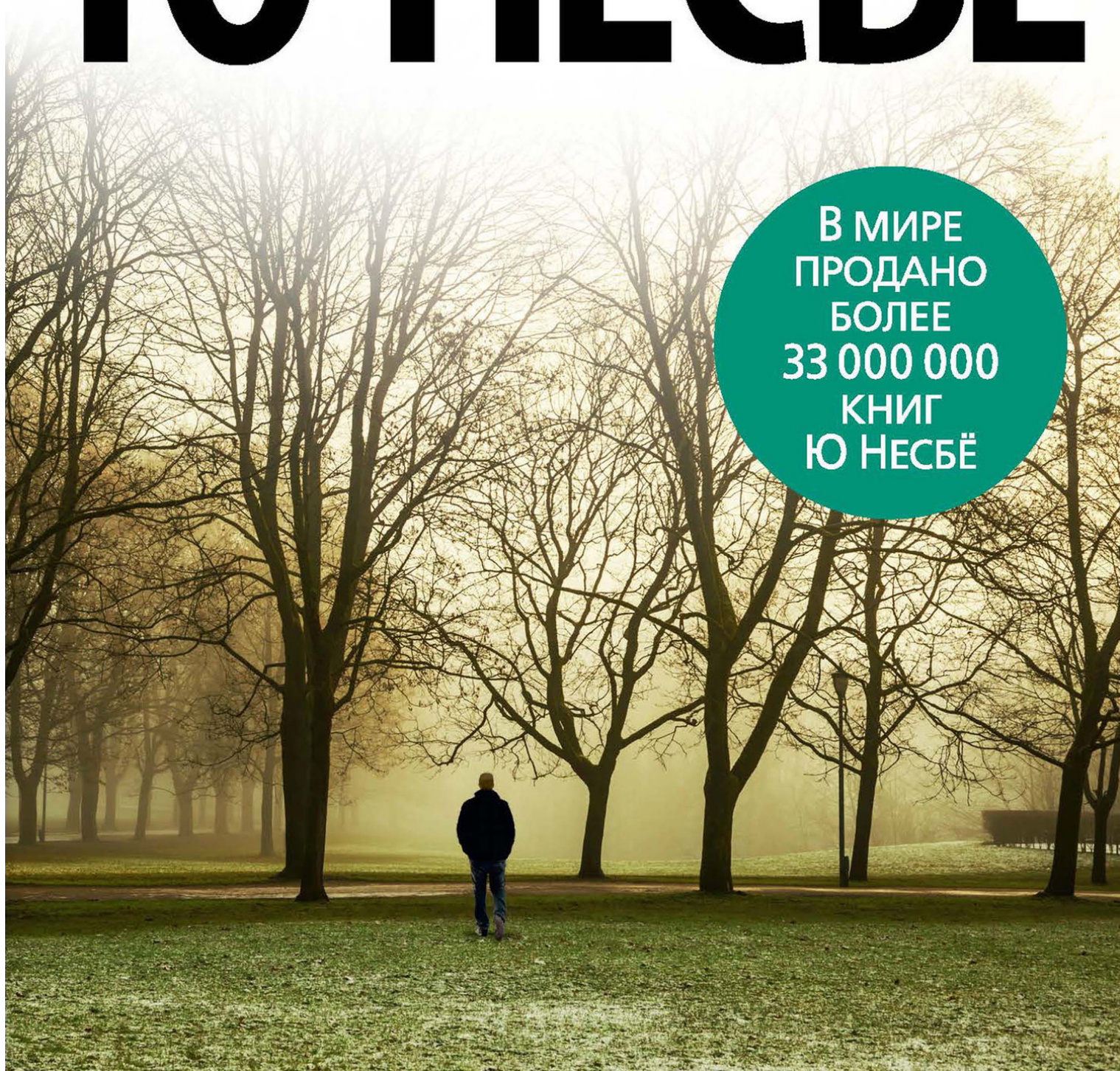

МЕСТЬ – БЛЮДО, КОТОРОЕ ПОДАЮТ ХОЛОДНЫМ

Немезида Ю НЕСБЁ

В МИРЕ
ПРОДАНО
БОЛЕЕ
33 000 000
КНИГ
Ю НЕСБЁ

Инспектор Харри Холе

Ю Несбё
Немезида

«Азбука-Аттикус»

2002

Несбё Ю.

Немезида / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус», 2002 — (Инспектор Харри Холе)

ISBN 978-5-389-12870-5

Харри Холе оказался в затруднительном положении — и это еще мягко сказано. У себя в квартире застрелилась — или была застрелена — женщина, с которой он, кажется, провел ночь... Беда в том, что он ничего не помнит. К тому же он занимается расследованием ограбления банка — преступления почти безупречного, не считая того, что грабитель без видимой причины застрелил служащую. Холе уверен, что убийство преднамеренное, но начальство считает его простой случайностью. Врагов у Харри не счесть, многие рады подставить его, и вот ему в который раз приходится вступать в опасную игру с законом, чтобы одолеть Зло... Книга также выходила под названиями «Не было печали» и «Богиня мести».

ISBN 978-5-389-12870-5

© Несбё Ю., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	50
Глава 10	58
Глава 11	61
Часть II	62
Глава 12	62
Глава 13	71
Глава 14	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ю Несбё Немезида

Jo Nesbe
Sorgenfri

© Jo Nesbe 2002

Published by agreement with Salomonsson Agency

© О.Рождественский, перевод на русский язык, 2009

© А.Чеканский, перевод на русский язык, 2009

© А.Касьяненко, К.Иванов, оформление, 2012

© ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”, 2012

Издательство Иностранка®

* * *

Часть I

Глава 1

План

Я должен умереть. Причем смысла в этом нет никакого. Согласно плану, так не должно было случиться, по крайней мере согласно моему плану. Тем не менее вполне возможно, что я, сам того не замечая, все время шел к этому. Однако я планировал не так. Мой план был лучше. В моем плане был смысл.

Я смотрю в отверстие ствола и знаю, что он придет оттуда. Вестник. Перевозчик. Рассмеяться напоследок. Вот так свет в конце туннеля оборачивается подчас пороховой вспышкой. Проронить последнюю слезинку. А ведь мы могли бы сделать эту жизнь прекрасной, ты и я. Если бы следовали моему плану. Последняя мысль. Все задают вопрос, в чем смысл жизни, и никто – в чем смысл смерти.

Глава 2

Астронавт

Старик казался Харри похожим на астронавта. Смешные мелкие шажки, тусклый, мертвый взгляд и беспрестанное шарканье толстыми подметками по паркету. Как будто их обладатель больше всего на свете боялся оторваться от земли и взлететь, зависнуть в воздухе.

Харри перевел взгляд на часы, висевшие на белой кирпичной стене над входной дверью. 15.16. За окном по Бугстадвейен по-пятничному деловито сновали люди. Луч низкого октябрьского солнца отразился в боковом зеркале машины, которая выехала со двора и втиснулась в плотный поток транспорта.

Харри снова попытался сконцентрировать все свое внимание на личности старика. Шляпа и элегантный серый пыльник явно нуждались в чистке. Под пыльником – твидовый пиджак и серые брюки, сильно поношенные, но аккуратно отглаженные, с острыми, как лезвие ножа, стрелками. До блеска надраенные башмаки со стоптанными каблуками. Один из тех пенсионеров, которыми так и кишит Майорстуа. Это не было предположением. Харри уже успел выяснить, что бывшему торговцу готовым платьем Августу Шульцу восемьдесят один год и все это время он безвылазно прожил в Майорстуа, за исключением военных лет, которые провел в бараке Освенцима. А своими больными ногами он обязан падению с пешеходного мостика через кольцевую автодорогу во время одного из регулярных визитов к дочери. Согнутые в локтях под прямым углом к туловищу и выставленные вперед руки придавали фигуре старика изрядное сходство с механической куклой. На правой руке висела коричневая трость, а левая, сжимающая банковскую квитанцию, была протянута в сторону второго окошка. Харри не было видно лицо сидящего за ним коротко стриженного молодого человека, однако он точно знал, что тот смотрит на старика со смесью сострадания и раздражения.

В 15.17 Август Шульц добрался-таки до окошка. Харри вздохнул.

В первом окошечке Стине Гретте отсчитывала семьсот тридцать крон парню в голубой вязаной шапочке, который только что передал ей ордер. Каждый раз, когда она клала на стойку очередную банкноту, бриллиант в кольце на безымянном пальце ее левой руки ярко вспыхивал.

Хотя Харри и не мог этого видеть, он знал, что справа от парня у третьего окошка стоит женщина с детской коляской, которую она рассеянно качает, причем совершенно напрасно, поскольку ребенок в коляске крепко спит. Женщина терпеливо дожидается своей очереди, пока фру Брэнне громогласно объясняет кому-то по телефону, почему он не может осуществить автоматический перевод денег со своего счета, если получатель не заключил с банком соответствующий договор, и что это она, а не он работает в банке, и вообще, не пора ли им закончить этот бесплодный спор.

В этот самый момент в двери банка поспешно вошли двое мужчин – один высокий, другой пониже – в одинаковых темных комбинезонах. Стине Гретте подняла голову и посмотрела на них. Взглянув на свои часы, Харри принялся считать. Мужчины торопливо направились в угол помещения, прямо к окошку Стине Гретте. При этом высокий двигался осторожно, будто переходя лужу, а тот, что пониже, шел вразвалочку, как ходят те, кто нарастил слишком большую мышечную массу. Парень в голубой шапочке медленно повернулся и пошел к выходу; пересчитывая полученные деньги, он не обращал на идущих ему навстречу мужчин никакого внимания.

– Привет, – сказал высокий, со стуком ставя на стойку перед Стине черный чемоданчик.

Низенький поправил на носу темные очки с зеркальными стеклами, тоже подошел к стойке и выложил на нее точно такой же кейс.

– Деньги! – пронзительным фальцетом пискнул он. – Открывай дверь!

Все на экране замерли, будто кто-то вдруг нажал на кнопку «Пауза» на пульте. Лишь движущийся за окном транспорт свидетельствовал о том, что время не остановилось. Да еще секундная стрелка часов Харри, согласно которой прошло десять секунд. Стине нажала на кнопку под стойкой. С жужжанием сработал электронный замок; низенький распахнул дверь и прижал ее коленом к стене.

– У кого ключ? – спросил он. – Живее, мы не можем ждать весь день!

– Хельге! – не оборачиваясь, позвала Стине.

– Что? – откликнулись из приоткрытой двери единственного во всем помещении кабинета.

– К нам пришли, Хельге!

В дверях появился мужчина в очках, с галстуком-бабочкой.

– Хельге, эти господа хотят, чтобы ты открыл банкомат, – сказала Стине.

Хельге Клементсен тупо уставился на одетых в комбинезоны мужчин; к тому времени оба они уже были за стойкой. Высокий бросал нервные взгляды на входную дверь; низенький пристально, не отрываясь, смотрел на управляющего отделением банка.

– О да, разумеется, – смущенно выдавил из себя Хельге Клементсен, словно только что вспомнил о давно забытой договоренности.

Харри замер, стараясь не упустить ни малейшей детали происходящего; глаза его жадно ловили каждое движение, отмечая даже крохотные изменения мимики. Двадцать пять секунд. Продолжая фиксировать время по часам над входной дверью, угловым зрением он все же видел, как управляющий отделением отпирает банкомат, достает оттуда две продолговатые металлические кассеты для денег и передает их мужчинам. Все происходило быстро и в полном молчании. Пятьдесят секунд.

– А это тебе, папаша! – Невысокий извлек из своего кейса две точно такие же кассеты и протянул Хельге Клементсену.

Судорожно сглотнув слюну, управляющий кивнул, взял кассеты и вставил их в банкомат.

– Приятных выходных! – пожелал низенький, с удовольствием потянулся всем телом и взял свой чемоданчик.

Полторы минуты.

– Эй, послушай-ка, не спеши, – остановил его Хельге.

Невысокий замер.

– А квитанция-то?

Повисла пауза. Некоторое время вошедшие молча смотрели на шуплого седого управляющего, затем, как по команде, рассмеялись. Смех был тоненький, громкий, с визгливыми, чуть ли не истерическими нотками – ни дать ни взять наркоманы.

– Ты что, серьезно думал, что мы так и уйдем? Вот просто так отдадим тебе два миллиона без всякой квитанции?!

– Ну-у... – замялся Хельге Клементсен. – На прошлой неделе один из ваших чуть было не забыл.

– Сейчас в инкассации столько новеньких.

Низенький и Клементсен поочередно расписались в квитанции, и каждый взял себе по копии – желтой и розовой соответственно.

Дождавшись, когда инкассаторы выйдут, Харри снова отметил время. Две минуты десять секунд.

Сквозь стеклянную дверь он видел, как белый инкассаторский автомобиль с фирменной эмблемой «Нордеа» отъехал от здания филиала банка.

Разговоры в помещении возобновились. Харри мог бы и не пересчитывать всех тех, кто в этот момент находился внутри, однако он все же сделал это. Семь человек. Трое за стойками и трое перед ними, включая младенца, а также парень в брюках от рабочего комбинезона,

который только что вошел и встал у столика в центре, чтобы переписать номер счета в платежную квитанцию, выданную, Харри это знал, туроператором «Саги Сульрайсер».

– Адъё, – попрощался Август Шульц и зашаркал в направлении выхода.

Часы показывали 15.21.10. Вот тут-то все и началось.

Харри заметил, что, когда дверь открылась, Стине Гретте встрепенулась было, но тут же снова углубилась в чтение своих бумаг. Затем она опять подняла голову, на этот раз значительно медленнее. Харри перевел взгляд на входную дверь. Вошедший мужчина расстегнул молнию своего глухого комбинезона и достал продолговатый оливково-зеленый предмет с вороненой вставкой, оказавшийся не чем иным, как автоматической винтовкой AG-3. Темно-синяя шерстяная шапочка скрывала все лицо мужчины, за исключением глаз. Харри снова начал отсчет от нуля.

Совсем как у куклы, шапочка зашевелилась в том месте, где должен был находиться рот:

– This is a robbery. Nobody moves¹.

Говорил он негромко, однако в тесном помещении его слова прозвучали подобно пушечному залпу. Наступила мертвая тишина. Харри посмотрел на Стине. Мужчина передернул затвор винтовки – звонкое клацанье хорошо смазанных механизмов заглушило далекий шум автомобильных моторов. Левое плечо Стине еле заметно опустилось.

«Храбрая женщина, – подумал Харри. – А может, просто окаменела от страха». Эуне, профессор психологии, преподававший у них в Школе полиции, говорил, что, если человека как следует испугать, он перестает думать и начинает действовать запрограммированно, так, как его учили. В момент ограбления большинство банковских служащих нажимают бесшумную тревожную кнопку в состоянии, близком к шоковому, утверждал Эуне, ссылаясь на то, что впоследствии при опросе многие не могут вспомнить, включали они сигнализацию или нет. В это время они действуют на автопилоте. В точности как и грабитель, заранее запрограммировавший себя стрелять в каждого, кто попытается его остановить. Чем больше грабитель испуган, тем меньше вероятность заставить его одуматься. Харри попытался рассмотреть глаза грабителя. Голубые.

Грабитель снял с плеча черную сумку и швырнул ее на пол между банкоматом и женщиной в брюках от рабочего комбинезона, который так и застыл в тот момент, когда его ручка дописывала последнюю петлю в восьмерке. Затем одетый в черное налетчик сделал оставшиеся шесть шагов, отделявшие его от низкой стойки, уселся на нее и одним махом перенес ноги на противоположную сторону. Там он встал за спиной у Стине, которая сидела неподвижно, глядя прямо перед собой. «Отлично», – подумал Харри. Она явно знала инструкцию и не провоцировала грабителя попытками рассмотреть его получше.

Бандит между тем приставил ствол винтовки к затылку Стине и, наклонившись, прошептал ей что-то на ухо.

Судя по всему, Стине еще не начала паниковать всерьез, хотя Харри было видно, как тяжело вздымается ее грудь. Казалось, женщине не хватает воздуха, а легкая белая блузка, несмотря на удобу, внезапно стала ей слишком тесной. Пятнадцать секунд.

Стине кашлянула. Один раз. Другой. Наконец на пленке послышался ее голос:

– Хельге. Ключи от банкомата.

Голос был низкий и хриплый, совсем не похожий на тот, каким она произносила почти те же самые слова тремя минутами раньше.

Хотя Харри и не было этого видно, он знал, что Хельге Клементсен стоял в дверях своего кабинета и прекрасно слышал все, начиная с первой реплики грабителя.

– Скорее, иначе...

¹ Это ограбление. Никому не двигаться (англ.).

Эти слова она произнесла едва слышно. В наступившей затем паузе единственным звуком, нарушающим тишину, было шарканье подошв Августа Шульца. Казалось, кто-то в жутко медленном ритме раз за разом шуршит щетками по барабану.

– ... он меня застрелит.

Харри попытался сквозь окно осмотреть улицу. Вероятно, где-то там был припаркован автомобиль с включенным мотором, однако отсюда его не было видно. Только поток транспорта и люди, снующие в обоих направлениях с более или менее беспечным видом.

– Хельге... – В ее голосе появились умоляющие нотки.

«Ну выходи же, Хельге», – подумал Харри. На сегодняшний день ему уже было известно немало о пожилом управляющем филиала банка. Харри знал, что дома его ждут два королевских пуделя, жена и только что брошенная мужем беременная дочь. Знал, что они упаковали все вещи и готовы отправиться в летний домик в горах, как только Хельге Клементсен вернется с работы. Однако знал также, что сейчас Клементсен чувствует себя будто погруженным в воду, как в некоем сне, где все движения замедляются, сколь бы быстро ты ни пытался действовать. Наконец он появился в поле зрения Харри. Налетчик развернул кресло Стине так, чтобы, находясь по-прежнему у нее за спиной, оказаться лицом к Хельге Клементсену. Тот в свою очередь замер в позе ребенка, который, дрожа от страха, угощает лошадь чем-то вкусненьким: откинувшись всем телом назад, Хельге держал ключи в вытянутой руке, как можно дальше от себя. Грабитель прошептал что-то Стине на ухо и направил ствол винтовки на Клементсена, который тут же непроизвольно отшатнулся и отступил на пару шагов.

– Он говорит, чтобы ты открыл банкомат и положил новые кассеты с деньгами в эту черную сумку, – сдавленным голосом сказала Стине.

Хельге Клементсен, как загипнотизированный, не отрывал глаз от направленной в его сторону винтовки.

– У тебя есть двадцать пять секунд, потом он выстрелит. В меня. Не в тебя.

Клементсен открыл и снова закрыл рот, как будто хотел сказать что-то.

– Ну же, Хельге.

В дверях наметилось движение, и Хельге Клементсен, с видимым усилием переставляя ноги, появился в помещении. С момента начала ограбления прошло тридцать секунд. Август Шульц уже почти достиг выхода. Управляющий филиалом опустился на колени перед банкоматом и в ступоре уставился на связку ключей. Всего их было четыре.

– Осталось двадцать секунд, – слышался голос Стине.

«Полицейский участок Майорстуа, – подумал Харри. – Садятся в машины. Восемь кварталов. Пятничные пробки».

Дрожащими пальцами Хельге Клементсен выбрал наконец ключ и вставил его в прорезь замка. На полпути ключ застрял. Хельге Клементсен надавил сильнее.

– Семнадцать секунд.

– Но... – начал было он.

– Пятнадцать.

Хельге Клементсен вынул ключ и попытался вставить другой. Тот вошел до конца, однако не поворачивался.

– Тринадцать. С зеленой наклейкой, Хельге.

Хельге Клементсен тупо разглядывал связку, как будто в первый раз ее видел.

– Одиннадцать.

Третий ключ вошел легко. И повернулся. Хельге Клементсен открыл дверцу банкомата и обернулся к Стине и налетчику.

– Мне нужно открыть еще один замок, чтобы достать касс...

– Девять! – Стине почти кричала.

Хельге Клементсен всхлипнул; пальцы его лихорадочно перебирали бородки ключей, как будто он внезапно ослеп и на ощупь пытался определить нужный.

– Семь.

Харри напряг слух. Все еще никаких полицейских сирен. Август Шульц взялся за ручку входной двери.

Звякнул металл – ключи упали на пол.

– Пять, – прошептала Стине.

Входная дверь раскрылась, и в помещение банка ворвались звуки улицы. Харри показалось, что издалека доносится так хорошо знакомый ему жалобный звук; вот он стих и сразу же возник опять. Вой полицейской сирены. Дверь снова закрылась.

– Две. Хельге!

Харри закрыл глаза и досчитал до двух.

– Вот, смотри! – Это уже кричал Хельге Клементсен. Он наконец справился со вторым замком и теперь, сидя на корточках, отчаянно дергал кассеты, которые, по всей видимости, застряли. – Сейчас, я только достану деньги! Я...

Слова его прервал пронзительный вопль. Харри перевел взгляд в противоположный угол и увидел перекошенное лицо женщины, с ужасом взирающей на неподвижный ружейный ствол, упирающийся в затылок Стине. Моргнув пару раз, дама умолкла и бессильно поникла над своей коляской, откуда, как бы на смену ей, тут же раздался с каждой секундой усиливающийся детский плач.

Когда первая кассета наконец-то сошла с направляющих, Хельге Клементсен потерял равновесие и едва не свалился навзничь. Он тут же потянулся за черной сумкой. В течение шести секунд обе кассеты с деньгами перекочевали в нее. Послушно следуя поступившей команде, Клементсен застегнул молнию на сумке и встал у банковской стойки. Распоряжался налетчик по-прежнему через Стине, голос которой теперь звучал неожиданно твердо и даже спокойно.

Минута и три секунды. Ограбление окончилось. Сумка с деньгами лежала на полу прямо посередине помещения. Через несколько секунд подъедет первый полицейский автомобиль. Через четыре минуты остальные машины перекроют все возможные пути отхода в районе места преступления. Каждая клеточка тела преступника в этот момент должна была бы кричать о том, что сейчас самое время сматываться отсюда. И тут произошло то, чего Харри никак не мог понять. Это было просто-напросто абсолютно лишено всякого смысла. Вместо того чтобы пуститься наутек, грабитель развернул стул Стине так, что теперь она оказалась лицом к лицу с ним. Наклонившись, он что-то шепнул ей. Харри прищурился. В ближайшие дни обязательно надо будет это проверить. Однако в данный момент он был убежден, что правильно все разглядел. Стине во все глаза смотрела на безликого грабителя, и по мере того, как смысл сказанных им шепотом слов доходил до ее сознания, сама она изменялась в лице. Тоненькие, аккуратно выщипанные брови приподнялись, образуя две высокие дуги над глазами, готовыми, казалось, выскочить из орбит от изумления; верхняя губа искривилась, а уголки рта опустились в подобии усмешки. Ребенок умолк так же резко, как начал кричать. Харри перевел дух. Он все понял. Перед ним был стоп-кадр. Фотоснимок, сделанный большим мастером. Два человека, запечатленные в тот момент, когда один сообщает другому о вынесенном ему смертном приговоре. Лицо в маске на расстоянии двух ладоней от открытого лица. Палач и его жертва. Ствол ружья упирается в ямочку на шее над висящим на тонкой цепочке золотым сердечком. Хоть Харри этого и не видел, однако догадывался, как под кожей в этой ямке судорожно пульсирует жилка.

Приглушенный заунывный звук. Однако это не полицейские сирены – просто зазвонил телефон в прихожей.

Грабитель обернулся и посмотрел прямо в камеру наблюдения, расположенную под потолком над банковской стойкой. Затем он поднял руку в черной перчатке с растопыренными пятью пальцами, сжал ее в кулак, после чего выставил указательный палец. Итого шесть пальцев. Шесть секунд сверх отведенного им времени. Он снова повернулся к Стине, взял винтовку в обе руки и, держа ее на уровне бедра, поднял ствол так, что теперь он оказался направлен ей в голову. Затем он слегка расставил ноги, чтобы смягчить отдачу. Телефон все звонил и звонил. Минута и двенадцать секунд. Стине приподняла руку, как будто собираясь помахать кому-то на прощание; в этот момент бриллиант в ее кольце блеснул.

Когда он нажал на спусковой крючок, часы показывали 15.22.22. Раздался короткий глухой щелчок. Кресло Стине наклонилось назад, а голова ее дернулась, как у сломанной куклы. Затем кресло опрокинулось. С тупым стуком ударившись головой о край письменного стола, Стине Гретте исчезла из виду. Не видел Харри теперь и красочную рекламную наклейку нового пенсионного фонда «Нордеа» на стекле над банковской стойкой – в одно мгновение все стекло стало красным. В соседней комнате по-прежнему сердито надрывался телефон. Грабитель перемахнул через стойку и подбежал к своей сумке. Харри следовало принимать какое-то решение. Налетчик поднял сумку. В этот момент Харри наконец определился. Одним движением покинул кресло. Шесть прыжков – и он на месте. Снял трубку.

– Говорите.

Во время последовавшей паузы слышны были звуки полицейских сирен, доносившиеся из работавшего в гостиной телевизора, какой-то пакистанский хит, звучавший в соседней квартире, и тяжелые шаги на лестничной клетке, принадлежавшие, по-видимому, фру Мадсен. На другом конце линии мягко рассмеялись. Этот смех был из далекого прошлого. Из очень далекого, да и совсем не ко времени сейчас. Как семьдесят процентов всего того, что нет-нет да и возвращалось к Харри в виде туманных слухов или просто выдумок. Однако в достоверности этой истории сомневаться не приходилось.

– Что, Харри, по-прежнему изображаешь из себя мачо?

– Анна?

– Да уж, ты меня приятно удивляешь.

Харри ощутил растекающееся внутри приятное тепло, почти как после доброго глотка виски. То-то и оно, что почти. В зеркале он видел фотографию, которую сам повесил когда-то на противоположной стене. Они с Сестренишем совсем маленькие на каникулах где-то в Витстене. Улыбаются так, как это могут делать только дети, убежденные, что ничего плохого с ними произойти не может.

– Ну, Харри, и чем же ты занимаешься в воскресный вечер?

– Ну... – Харри поймал себя на том, что пытается говорить так же, как и она, – низким грудным голосом, слегка растягивая слова. Нет, это ему ни к чему. Только не сейчас. Кашлянув, он постарался взять вполне нейтральный тон: – Тем же, чем занимается большинство людей.

– А именно?

– Смотрю видео.

Глава 3

Камера пыток

– Смотрел видео?

Сломанное офисное кресло протестующе затрещало, когда инспектор Халворсен, откинувшись на спинку, взглянул на превосходящего его по всем статьям коллегу. Старший инспектор Харри Холе даже был на девять лет старше. На юном простодушном лице Халворсена явно читалось недоверие.

– Ну да.

Подцепив большим и указательным пальцами складку кожи под налитым кровью глазом, Харри осторожно оттянул ее вниз. Мешок исчез.

– Все выходные?

– С субботнего утра до воскресного вечера.

– Значит, немного развлекся вечером в пятницу.

– Точно. – Вынув из кармана плаща синюю папку, Харри положил ее на свой стол, стоящий напротив стола Халворсена. – Читал выдержки из протоколов допросов.

Из другого кармана Харри извлек серый пакетик, на котором значилось: «Французский колониальный кофе». Кабинет, который делили они с Халворсеном, находился почти в самом конце коридора, в красной зоне на шестом этаже Полицейского управления в Грёнланне. Два месяца назад они вскладчину купили «Rancilio Silvia» – кофеварку для приготовления эспрессо. Отныне она называлась «Сильвией» и занимала почетное место на архивном ящике под заключенной в рамку фотографией девушки, с ногами забравшейся на письменный стол. Ее веснушчатое лицо отчаянно пыталось сохранить серьезное выражение, сквозь которое, однако, проглядывал смех. Сфотографирована она была на фоне такой же офисной стены, как и та, на которой висела карточка.

– Знаешь, что трое из четырех полицейских не могут без ошибок написать слово «неинтересный»? – спросил Харри, вешая плащ на плечики. – Либо они пропускают «е» между «т» и «р», либо...

– Интересно.

– А ты чем занимался в выходные?

– В пятницу сидел в машине у квартиры американского посла: какой-то псих анонимно сообщил по телефону, будто в автомобиль заложена бомба. Разумеется, ложная тревога. Но ты же знаешь, они теперь из кожи вон лезут, так что пришлось проторчать там весь вечер. В субботу снова пытался найти ту единственную, которая на всю жизнь. К концу воскресенья пришел к выводу, что такой не найти. Ну и что там на допросах говорят о личности грабителя? – Халворсен засыпал кофе в двойной бумажный фильтр.

– Ну-у... – Харри стащил с себя свитер. Под ним оказалась темно-серая футболка, некогда, по-видимому, черная, с почти стершейся надписью «Violent Femmes»². Харри со стоном опустился в кресло. – Не поступило ни одного заявления о том, что кто-то видел его вблизи банка перед ограблением. Парень, вышедший из «Севен-элевен» на противоположной стороне Бугстадвейен, видел, как налетчик побежал в направлении Индустри-гате. Он обратил на него внимание из-за шапочки. Камера наружного наблюдения банка зафиксировала их в тот момент, когда грабитель поравнялся со свидетелем перед металлическим контейнером для мусора, стоящим у «Севен-элевен». Единственная интересная деталь, о которой упомянул сви-

² Название американской рок-группы с учетом сленга можно перевести как «Отчаянные слонтяи».

детель: поднимаясь по Индустри-гате, грабитель дважды переходил с одной стороны улицы на другую.

– Парень, который никак не может решить, по какой стороне улицы ему идти. Что ж тут такого интересного? – Халворсен вставил двойной фильтр в стационарный. – Со всеми «е» и без всякого «т» между «с» и «н».

– Да ведь ты же ничего не смыслишь в ограблениях банков, Халворсен.

– А зачем мне? Наше дело – ловить убийц, а грабежами пусть занимаются хедмаркенцы.

– Хедмаркенцы?

– Ты разве не заметил, что в отделе грабежей все на «йе» и «итте»³ и в вязаных кофтах с характерным узором? Так в чем фишка-то?

– Фишка в Викторе.

– В кинологе с собакой?

– Как правило, они первые, кто прибывает на место преступления, и опытные грабители знают это. Хороший пес может даже в городе взять след движущегося пешком налетчика. Но если он пересечет улицу, по которой ходит транспорт, собака след теряет.

– И что из этого?

Халворсен утрамбовал кофе специальной трамбовкой и в конце процедуры выровнял его поверхность. Он утверждал, что данная операция позволяет отличить истинных профессионалов варки кофе от жалких любителей.

– Это укрепляет подозрение, что мы имеем дело с матерым преступником. Таким образом, мы могли бы значительно сузить круг подозреваемых. Шеф отдела грабежей и разбойных нападений рассказывал мне...

– Иварссон? Вот уж никогда бы не подумал, что ты не прочь с ним поболтать!

– Мы и не болтали. Он говорил, обращаясь ко всей следственной группе, в состав которой вхожу и я. Так вот, он сказал, что профессиональных грабителей в Осло меньше сотни. Пятьдесят из них – полные тупицы, наркоманы или же умственно отсталые – попадают практически каждый раз, как совершают преступление. Половина из них и сейчас сидит, так что их мы смело можем вычеркнуть. Сорок человек – хорошие исполнители, которым удастся уйти, если кто-то поможет им спланировать ограбление. Остается десяток профессионалов, тех, что грабят инкассаторов и банки. Чтобы взять их, требуется определенная удача. Мы и пытаемся отследить, где и когда находится каждый из них. Сегодня нам предстоит проверить их алиби. – Харри бросил взгляд на «Сильвию», пыхтевшую на архивном ящике. – А еще я в субботу беседовал с Вебером из криминалистической лаборатории.

– Мне казалось, Вебер в этом месяце выходит на пенсию.

– Кто-то ошибся в подсчетах, и его отправят только летом.

Халворсен рассмеялся:

– По этому поводу он, наверное, брюзжал еще больше, чем обычно, а?

– Ну да, только не совсем по этому поводу, – согласился Харри. – Просто ни он, ни его люди ни хрена там не нашли.

– Совсем ничего?

– Никаких отпечатков пальцев. Ни единого волоска. Нет даже мельчайших волокон ткани или ниток от одежды. А найденные следы обуви, разумеется, свидетельствуют, что башмаки у преступника были новехонькие.

– То есть они не могут даже сравнить особенности износа с прочей обувью подозреваемых?

– То-очно. – Харри сделал упор на «о», почти пропев его.

³ Характерные окончания имен жителей фюльке Хедмарк – «je» и «itte».

– А что с орудием ограбления? – поинтересовался Халворсен, осторожно передвигая чашку с кофе со своего стола на стол Харри. Подняв глаза, он обнаружил, что левая бровь Харри приподнялась настолько, что едва не касается светлого ежика волос. – Прости. С орудием убийства.

– Ничего. Оно не найдено.

Халворсен присел на свою часть стола и осторожно отпил глоток кофе.

– Короче говоря, среди бела дня человек вошел в банк, где полно народу, взял два миллиона крон, убил женщину, преспокойно вышел оттуда и удалился по не такой уж многолюдной улице с оживленным движением. И случилось это в самом центре норвежской столицы, в нескольких сотнях метров от полицейского участка. А у нас, профессионалов, состоящих на службе в королевской полиции и получающих за это деньги, ничего на него нет?

Харри медленно кивнул:

– Почти ничего. У нас есть видеозапись.

– Которую ты, насколько я тебя знаю, сейчас тщательнейшим образом изучаешь секунда за секундой.

– Ну да. Даже десятые доли секунды.

– А показания свидетелей небось можешь цитировать наизусть?

– Только Августа Шульца. Он рассказал много интересного о войне. Выдал мне целый список имен своих конкурентов по торговле готовым платьем из числа так называемых добропорядочных норвежцев, которые во время войны участвовали в дележе конфискованного у его семьи имущества. Он даже точно знает, кто из них чем сейчас занимается. А вот что ограбление произошло, он не в курсе.

Остатки кофе они допивали молча. В оконное стекло стучали капельки дождя.

– А ведь тебе нравится такая жизнь, сознайся, – внезапно сказал Халворсен. – Проводить выходные в полном одиночестве, пытаюсь ловить призраков.

Харри усмехнулся, однако оставил его слова без ответа.

– А я-то надеялся, что теперь, когда у тебя появились некоторые семейные обязанности, ты наконец забудешь свои чудачества.

Харри предостерегающе взглянул на молодого коллегу:

– Не думаю, что придерживаюсь того же мнения. Ты же знаешь, мы еще даже не живем вместе.

– Да, но у Ракели есть сынишка, а это многое меняет, не так ли?

– Ну да. Олег. – Харри откатился на кресле к архивному ящику. – В пятницу они улетели в Москву.

– Да ну?!

– Судебный иск. Отец мальчика хочет получить родительские права.

– Резонно. А что он за птица?

– Ну-у... – Харри поправил висевшую чуть криво фотографию над кофеваркой. – Он какой-то профессор. Ракель познакомилась с ним и вышла замуж, когда работала там, в России. Родом он из старой, жутко богатой семьи. По словам Ракели, родственники имеют немалый политический вес.

– И парочку знакомых судей в придачу, да?

– Наверняка. И тем не менее мы надеемся, что все пройдет как надо. Всем известно, что у папаши крыша совсем поехала. Этаким, знаешь ли, скрытый алкаш, который подчас не в силах справиться со своими эмоциями.

– Могу себе представить.

Кинув быстрый взгляд на коллегу, Харри успел заметить мимолетную усмешку, которую Халворсен, правда, тут же поторопился стереть с лица.

В Полицейском управлении все знали, что у Харри проблемы с алкоголем. Сам по себе алкоголизм не может служить причиной увольнения госслужащего, а вот за появление на работе в нетрезвом виде выгнать вполне даже могут. Когда Харри сорвался, в высоких кабинетах стали поговаривать о том, как бы избавить полицию от такого сотрудника. Однако Бьярне Мёллер, начальник убийного отдела, как обычно, простер над Харри свою охраняющую длань, объяснив его состояние особыми обстоятельствами. Обстоятельства эти заключались в том, что девушка с висящего над кофемашиной фото – Эллен Йельтен, напарник и близкий друг Харри, – была насмерть забита бейсбольной битой на тропинке возле Акерсельвы. Хотя Харри удалось оправиться, рана все еще кровоточила. Тем более что, по мнению Харри, дело все еще не было расследовано до конца. Не успели Харри с Халворсеном собрать технические доказательства причастности к убийству неонациста Сверре Ульсена, как старший инспектор Том Волер поспешил к нему на квартиру, чтобы произвести арест. Ульсен пытался отстреливаться, и Волеру в целях самообороны пришлось его пристрелить. Так следовало из рапорта самого Волера, и ни улики, найденные на месте происшествия, ни расследование всех обстоятельств дела, предпринятое Службой внутренней безопасности, не содержали ни единого намека на что-либо иное. С другой стороны, мотивы убийства, совершенного Ульсеном, так и остались невыясненными, за исключением того, что все указывало на его причастность к нелегальной торговле оружием, в результате которой Осло в последние годы наводнило стрелковое оружие на любой вкус. Эллен же вышла на его след. Однако Ульсен был лишь исполнителем; личности тех, кто на самом деле руководил ликвидацией, полиции так и не удалось установить.

Именно для того, чтобы иметь возможность довести до конца дело Эллен, Харри добился перевода обратно в отдел по расследованию убийств после кратковременного пребывания на самом верхнем этаже здания Управления, в Службе внутренней безопасности. Там его уход все восприняли с радостью. Мёллер радовался не меньше, заполучив его снова к себе на шестой этаж.

– Смотаюсь-ка я с этой штукой наверх к Иварссону, в отдел грабежей и разбойных нападений, – буркнул Харри, помахивая видеокассетой. – Он хотел просмотреть пленку вместе с очередной девчонкой-вундеркиндом, которую ему недавно удалось заполучить.

– О? И кто такая?

– Летний выпуск Школы полиции; наверняка уже раскрыла не меньше трех ограблений только на основании просмотра видеозаписей.

– Угу. Симпатичная?

Харри вздохнул:

– Эх, молодо-зелено... Как же вы все предсказуемы. Надеюсь, она дельный сотрудник, остальное меня не волнует.

– Но это точно женщина?

– Конечно, папаша и мамаша Лённ могли быть шутниками и дать мальчику имя Беата.

– Нутром чую – симпатичная.

– Не думаю. – Пронся сквозь дверной проем свои сто девяносто пять сантиметров, Харри привычно пригнулся.

– Что так?

Ответ прозвучал уже из коридора:

– Хорошие полицейские все уроды.

По первому взгляду на Беату Лённ трудно было судить, симпатичная она или дурнушка. Уж точно не уродина – некоторые даже сочли бы ее кукольно-красивой. Главным образом из-за того, что все у нее было слишком миниатюрным: лицо, нос, уши, фигура. Однако прежде всего в глаза бросалась ее бледность. Кожа и волосы были настолько бесцветными, что Харри вспомнилась утопленница, которую они с Эллен выловили в Буннефьорде. Однако между ними

было одно существенное различие: Харри чувствовал, что стоит ему отвернуться, и он тут же забудет, как выглядит Беата Лённ. Сама она от этого, по-видимому, не очень бы расстроилась, судя по торопливости, с которой пробормотала свое имя и отняла у Харри влажную ладошку, едва позволив ее пожать.

– Знаешь, Холе у нас здесь что-то вроде ходячей легенды, – сказал начальник отдела Руне Иварссон, стоя спиной к ним и поигрывая связкой ключей. В верхней части серой металлической двери, находящейся прямо перед ними, красовалась выполненная готическими буквами надпись: «Камера пыток». Под ней значилось: «Кабинет № 598». – Верно, Холе?

Харри не ответил. Не приходилось сомневаться, какого рода легенды имеет в виду Иварссон. Он никогда и не скрывал, что считает Харри Холе позором для всего личного состава полиции, и давным-давно ратовал за его скорейшее изгнание из рядов.

Между тем Иварссон отпер дверь, и они вошли внутрь. «Камера пыток» была специальным помещением, служившим отделу для изучения, монтажа и копирования видеозаписей. Помимо большого стола в середине комнаты, здесь было оборудовано еще три рабочих места. Окон не было. Стены украшала полка с видеоматериалами, дюжина наклеенных листочков с фотографиями находящихся в розыске налетчиков, большой экран, занимающий одну из торцевых стен, карта Осло, а также множество трофеев, захваченных во время удачных операций по задержанию бандитов. К примеру, рядом с дверью висели две вязаные шапочки с прорезями для глаз и рта. Интерьер дополняли серые компьютеры, черные мониторы, VHS- и DVD-проигрыватели и великое множество прочей аппаратуры, в назначении которой Харри не разбирался.

– Ну и что же удалось выудить из этой записи убийному отделу? – поинтересовался Иварссон, плюхаясь в кресло.

Произнося «убийному», он намеренно протянул «ой».

– Кое-что, – сказал Харри, отходя к полке с видеокассетами.

– Кое-что?

– Не особо много.

– Жаль, никто из вас не удосужился поприсутствовать на докладе, который я делал в сентябре в помещении столовой. Если не ошибаюсь, там были представители всех отделов, кроме вашего.

Иварссон был высокого роста, длиннорукий и длинноногий; из-под уложенных красивой волной светлых волос на собеседника смотрели ярко-голубые глаза. Мужественное лицо напоминало лица манекенов немецкой фирмы «Босс»: на нем все еще виднелись следы загара после долгих часов, проведенных Иварссоном летом на теннисном корте, а может, и в солярии физкультурно-оздоровительного центра. Короче, Руне Иварссон был прекрасным примером понятия «симпатичный мужчина», тем самым подкрепляя теорию Харри о взаимосвязи между внешностью и деловыми качествами следователя. Отсутствие сыщицкого таланта, однако, с лихвой возмещалось у него тонким политическим чутьем и способностью безошибочно угадывать, к какой из группировок в иерархии Полицейского управления выгоднее прикнудить в данный конкретный момент. Кроме того, врожденную самоуверенность Иварссона многие воспринимали как доказательство его лидерских качеств. Между тем упомянутая самоуверенность основывалась исключительно на том, что Иварссон, к счастью для себя, абсолютно не замечал собственной ограниченности. Не приходилось сомневаться, что данное обстоятельство непременно будет сопутствовать продвижению по службе и рано или поздно сделает его начальником Харри – прямым либо косвенным. Вообще-то Харри вроде бы не приходилось жаловаться, что такая посредственность благодаря карьерному росту оказалась отлученной от следственной работы. Однако опасность субъектов, подобных Иварссоному, как раз и заключается в том, что они, как правило, воображают, будто обязаны вникать во все и руководить действиями тех, кто в самом деле умеет вести расследование.

– И что же, мы пропустили что-то важное? – спросил Харри, проводя пальцем вдоль ряда кассет с написанными от руки наклейками.

– В общем-то нет, – язвительно бросил Иварссон. – Действительно, кого могут интересовать такие пустяки, как расследование преступлений?

Харри удалось побороть искушение ответить, что на тот доклад он не пошел намеренно, прослышав, будто все сведется к похвальбе Иварссона, что с тех пор, как он вступил в должность шефа отдела грабежей и разбойных нападений, раскрываемость ограблений банков возросла с 35 до 50 процентов. При этом ни единым словом не упоминалось, что назначение это совпало с увеличением численности сотрудников вдвое, расширением их полномочий при выборе методов ведения расследования, а главное, отдел наконец-то избавился от своего худшего сотрудника – следователя Руне Иварссона.

– Меня это вроде как интересует, – сказал Харри. – Расскажи-ка, к примеру, как вам удалось распутать вот это. – Он наполовину вытянул с полки одну из кассет и прочел вслух надпись на наклейке: – «20.11.94, Сберегательный банк «НОР», Манглеруд».

Иварссон усмехнулся:

– С удовольствием. Их мы установили старым, проверенным способом. На свалке в Алнабру они сменили автомобиль, а тот, что оставили, подожгли. Однако он сгорел не полностью. Мы нашли перчатки одного из налетчиков со следами ДНК. Потом мы сравнили их с ДНК тех наших старых знакомых, кого осведомители после просмотра видеозаписи назвали в качестве наиболее вероятных участников ограбления, и данные одного из них совпали. А поскольку этот идиот в ходе ограбления еще и выстрелил в потолок, ему дали четыре года. Еще что-нибудь интересует, Холе?

– Ммм... – Харри покрутил в руках принесенную им кассету. – А что это были за следы ДНК?

– Я же сказал, совпадающие. – Уголок левого глаза Иварссона нервно дернулся.

– Прекрасно, но что именно это было? Частицы омертвевшей кожи? А может, ноготь? Кровь?

– Разве это так уж важно? – Голос Иварссона стал резким, в нем явно слышались нетерпеливые нотки.

Харри подумал, что ему, пожалуй, стоит заткнуться. К чему сражаться с ветряными мельницами? Люди, подобные Иварссону, все равно никогда ничему не научатся.

– Да в общем-то нет, – услышал Харри собственный голос. – Разумеется, если не интересуешься такими пустяками, как расследование преступлений.

Харри ощутил на себе тяжелый взгляд Иварссона. От тишины, повисшей в специальном звуконепроницаемом помещении, закладывало уши. Иварссон открыл рот, собираясь что-то сказать.

– Суставной волос.

Мужчины, как по команде, повернулись к Беате Лённ. Харри и думать забыл о ее присутствии. Она же, переводя взгляд с одного из них на другого, почти шепотом повторила:

– Суставной волос. Это такие волоски на фалангах пальцев... их называют...

Иварссон откашлялся:

– Абсолютно верно, это был волос. Однако – хоть, может, и не стоило бы уточнять – это был волос с тыльной стороны кисти. Не так ли, Беата? – Не дожидаясь ответа, он легонько постучал указательным пальцем по стеклу своих массивных часов. – Ну, мне пора бежать. Приятного вам просмотра.

Не успела дверь за Иварссоном закрыться, как Беата выхватила у Харри кассету, которую вмиг с мягким жужжанием проглотил плеер.

– Два волоска, – сказала девушка. – В левой перчатке. С фаланги пальца. И свалка была не в Алнабру, а в Карихёуген. А насчет четырех лет – все правильно.

Харри с удивлением посмотрел на нее:

– Разве это не было задолго до тебя?

Передернув плечами, она нажала на «play»:

– Просто надо читать отчеты.

– Хм. – Харри внимательнее пригляделся к собеседнице, поудобнее устроиваясь в кресле. – Давай-ка посмотрим, не оставил ли и этот тип нам чего-нибудь вроде суставного волоса.

В видике что-то тихонько скрипнуло, и Беата выключила свет. Пока Харри разглядывал появившуюся на экране синюю заставку, он вдруг ощутил, как в сознании его мелькают кадры другого фильма. Фильм был короткий, длился лишь несколько секунд. Вся увиденная им сцена утопала во вспышках голубоватого света, перемежавших полумрак «Вотерфронта», давно уже снесенного клуба, некогда располагавшегося в фешенебельном районе Акер-Брюгге. Тогда он еще не знал ее имени. Женщина со смеющимися карими глазами что-то крикнула ему, стараясь перекричать ревушую музыку. Играли композицию в стиле панк. «Green On Red». Джейсон и «The Scorchers». А Харри все подливал «Джим Бим» себе в колу, и ему было глубоко наплевать, как ее зовут. Он узнал это лишь на следующий день, когда, решительно отдав швартовы, они пустились в первое свое плавание на кровати со спинкой в форме безголовой лошади. Харри снова ощутил прилив блаженной истомы, как и накануне вечером, когда услышал в телефонной трубке ее голос.

Однако на экране уже возникло изображение.

Старик начал преодолевать непростой для себя маршрут от входной двери до банковской стойки. Через каждые пять секунд угол съемки менялся.

– Торкильдсен с ТВ-2, – заметила Беата Лённ.

– Нет, это Август Шульц, – поспешил поправить Харри.

– Я о монтаже, – откликнулась она. – Похоже, работа Торкильдсена с ТВ-2. Кое-где отсутствует раскадровка по десятым секунды.

– Отсутствует? Но как ты...

– Здесь много всего. К примеру, обрати внимание на задний план. Видишь красную «мазду» на улице перед банком? Она в самом центре кадра. Теперь камера сменилась, а она по-прежнему в центре. Но ведь объект не может находиться в двух местах одновременно.

– Считаешь, кто-то напортачил с записью?

– Да нет. Все снятое шестью внутренними и одной наружной камерой переписывается на одну пленку. На исходной записи в момент смены камеры вместо изображения на мгновение возникает слепая вспышка. Поэтому, чтобы не нарушать взаимосвязь деталей эпизода, необходим монтаж. Иногда, когда мы не можем справиться своими силами, нам приходится прибегать к помощи телевизионщиков. А они, как в данном случае Торкильдсен, часто мухлюют с тайм-кодом, чтобы картинка не дергалась, стала лучше. Мне кажется, это у них на уровне профессионального невроза.

– Профессионального невроза, – повторил Харри.

Странно было слышать этот, в общем-то, старомодный термин из уст такой юной девушки. Или она не столь уж молода, как ему показалось с первого взгляда? Когда свет потух, кое-что в ней изменилось. Тело как будто расслабилось, жесты стали свободнее, голос тверже.

В помещении банка появился налетчик и выкрикнул свою английскую фразу. Голос звучал глухо и словно издалека, как будто доносился из-под толстого одеяла.

– А об этом ты что думаешь? – спросил Харри.

– Норвежец. Говорит по-английски, чтобы невозможно было узнать диалект, акцент либо характерные слова, которые мы могли бы связать с ранее совершенными им ограблениями. Одежда, не оставляющая волокон, которые мы потом могли бы найти в сменных автомобилях, на конспиративной квартире или у него дома.

– Хм. Что-то еще?

– Все края одежды тщательно подклеены скотчем, чтобы нигде не оставить следов ДНК. Видишь, штанины притянуты к сапогам, а рукава – к перчаткам. Не удивлюсь, если он обмотал скотчем всю шевелюру, а брови залил воском.

– Стало быть, профи?

Она пожала плечами:

– Восемьдесят процентов ограблений банков планируются менее чем за неделю и совершаются лицами, находящимися под воздействием алкоголя или наркотиков. В нашем случае преступление выглядит прекрасно подготовленным, а грабитель – трезвым.

– С чего ты взяла?

– Если бы у нас было хорошее освещение и камеры получше, можно было бы увеличить отдельные кадры и рассмотреть его зрачки. Но поскольку всего этого нет, я сужу по его жестам. Движения спокойные, тщательно выверенные, видишь? Если он что и принимал, то не амфетамин или что-то подобное. Скорее транквилизаторы, к примеру рогипнол. Они это любят.

– Почему?

– Ограбление банка – экстремальная ситуация. Оказавшись в ней, ты не нуждаешься в том, чтобы тебя что-то подстегивало. Скорее наоборот. В прошлом году один вооруженный автоматом субъект ворвался в отделение Норвежского банка на площади Солли, изрешетил потолок и стены и выбежал из банка, так и не взяв денег. Судье он сказал, что ему просто необходимо было дать выход той дозе амфетамина, которую он принял. Честно говоря, я предпочитаю, чтобы налетчики принимали рогипнол.

Харри кивком указал на экран:

– Посмотри на плечо Стине Гретте в первом окошке. Видишь, сейчас она нажимает тревожную кнопку? Звук на записи становится намного лучше. Почему?

– Сигнализация соединена с видеомэгнитофоном, и, когда она включается, запись в несколько раз ускоряется. Улучшается качество изображения и звука. Он становится таким отчетливым, что вполне можно провести звуковой анализ. Теперь ему не поможет даже то, что он говорил по-английски.

– А что, это и вправду такая верная штука, как говорят?

– Звук, записанный на пленку, – это те же отпечатки пальцев. Если мы сможем предоставить специалистам из Технического университета десяток произнесенных грабителем слов, записанных на пленку, они проведут сравнительный анализ его голоса с точностью до девяноста пяти процентов.

– Хм. Но не при таком качестве звука, как до включения сигнализации, да?

– В этом случае точность уменьшается.

– Вот, значит, почему он сначала кричит по-английски, а потом, когда считает, что сигнализация включена, заставляет говорить вместо себя Стине Гретте.

– Так оно и есть.

Они молча просмотрели, как одетый во все черное налетчик перемахнул через банковскую стойку, приставил ствол к голове Стине Гретте и принялся шептать ей на ухо.

– А что ты думаешь о том, как она реагирует? – спросил Харри.

– Что ты имеешь в виду?

– Выражение ее лица. Тебе не кажется, что она выглядит относительно спокойной?

– Мне ничего не кажется. Как правило, выражение лица не дает достоверной информации. Могу поспорить, пульс у нее сейчас близок к ста восьмидесяти.

Они наблюдали, как Хельге Клементсен беспомощно суетился на полу перед банкоматом.

– Надеюсь, потом ему дадут возможность пройти необходимый курс реабилитации, – покачивая головой, тихо сказала Беата. – Я видела, как после подобных ограблений у людей просто не выдерживала психика.

Харри промолчал, однако про себя решил, что фразу эту она, по всей видимости, позаимствовала у кого-то из старших коллег.

Налетчик повернулся лицом к камере и показал им шесть пальцев.

– Интересно, – пробормотала Беата и, не глядя, сделала какую-то пометку в лежащем перед ней блокноте.

Краем глаза Харри наблюдал за молоденькой коллегой и видел, как, заслышав сухой щелчок выстрела, она подскочила на стуле. Когда грабитель на экране перепрыгнул в очередной раз через стойку и, прихватив свою сумку, направился к двери, миниатюрный подбородок Беаты задрался вверх, ручка выскользнула из пальцев.

– Последний фрагмент мы не стали помещать в Интернет и давать телевизионщикам, – сказал Харри. – Смотри, вот его снимает наружная камера.

Они увидели, как грабитель торопливо пересек на зеленый свет по пешеходному переходу улицу Бугстадвейен и поспешил вверх по Индустри-гате. Затем он скрылся из виду.

– А что полиция? – спросила Беата.

– Ближайший полицейский участок расположен на Хиркедалсвейен прямо за шлагбаумным пунктом платного проезда, всего лишь в восьмистах метрах от банка. Тем не менее после сигнала тревоги им потребовалось около трех минут, чтобы прибыть на место происшествия. Так что у грабителя было по меньшей мере две минуты для отхода.

Беата в задумчивости смотрела на экран, на котором как ни в чем не бывало продолжали сновать люди и автомобили.

– Свой отход он продумал так же хорошо, как и само ограбление. Вероятно, его машина стояла за углом, вне пределов досягаемости камер наружного наблюдения банка. Удачно.

– Может быть, – откликнулся Харри. – С другой стороны, он совсем не похож на того, кто рассчитывает только на удачу. Не так ли?

Беата пожала плечами:

– Большинство удачных ограблений банков выглядят тщательно продуманными.

– О'кей, но тут у него было гораздо больше шансов, что полиция опоздает. Ведь в пятницу все патрульные машины этого района были задействованы совсем в другом месте...

– ...вблизи резиденции американского посла! – закончила за него Беата, хлопнув себя по лбу. – Анонимный звонок об автомобиле со взрывчаткой. У меня в пятницу был выходной, но об этом сообщали в теленовостях. Сейчас, когда повсюду царит такая паника⁴, неудивительно, что все ринулись туда.

– Никакой бомбы так и не нашли.

– Разумеется. Классический трюк – что-нибудь выдумать, чтобы перед самым ограблением направить полицию подальше от места преступления.

Оставшуюся часть записи они просмотрели молча. Август Шульц, застывший у пешеходного перехода. Светофор успел несколько раз переключиться с зеленого на красный и обратно, а старик так и не двинулся. «Чего он ждет? – подумал Харри. – Пока зеленый установится надолго? Сбоя в работе светофора, который может случиться раз в сто лет? Ну вот. Похоже, дождался». Издалека донесся звук полицейской sireны.

– Что-то здесь не стыкуется, – сказал Харри.

– Всегда что-то не стыкуется, – с усталым старческим вздохом заметила Беата Лённ.

Запись окончилась; на экране замелькала пурга.

⁴ События романа относятся к 2002 г., когда весь мир находился под впечатлением террористических актов 11 сентября 2001 г. в США.

Глава 4

Эхо

– Снег?

Вспрыгивая на край тротуара, Харри едва не кричал в трубку мобильного.

– Ну да-а-а. – Связь с Москвой была плохая. Словам Ракели вторило трескучее эхо.

– Алло?

– Тут жутко холодно...о. И на улице, и в гостинице...це.

– А как с атмосферой в зале суда?

– Тоже ниже нуля. Раньше, когда мы жили здесь, его мать сама мне твердила, чтобы я забирала Олега и уезжала. А теперь сидит как ни в чем не бывало со всеми остальными и испепеляет меня ненавидящим взглядом...дом.

– Но дело-то хоть движется?

– Откуда мне знать?

– Как это – откуда? Во-первых, ты юрист, во-вторых, знаешь русский.

– Видишь ли, Харри, подобно ста пятидесяти миллионам русских, я ничегошеньки не смыслю в здешней системе правосудия. Понятно...о?

– Понятно. А как там Олег?

Харри дважды повторил вопрос и, так и не дождавшись ответа, взглянул на дисплей телефона, проверяя, не прервалась ли связь. Секунды на табло, однако, продолжали сменяться, и он снова приложил трубку к уху:

– Алло?

– Алло, алло, Харри, я тебя слышу...шу. Я так скучаю по тебе...бе. Ты что смеешься...ся?

– Просто у тебя это смешно выходит. Эхо.

Подойдя к дому, Харри достал ключ, отпер дверь подъезда и вошел внутрь.

– Ты считаешь, я хнычу?

– Да нет же, конечно нет.

Харри кивнул Али, который, обливаясь потом, пытался протащить финские сани через дверь подвала.

– Я тебя люблю. Слышишь? Я тебя люблю! Алло! Алло!

Растерянно посмотрев на отключившийся телефон, Харри поднял глаза, и тут же взгляд его натолкнулся на сияющую улыбку соседа-пакистанца.

– Ну разумеется, Али, тебя я тоже люблю, – пробормотал он, снова пытаясь набрать номер Ракели.

– Кнопка повтора, – сказал Али.

– А?

– Да так, ничего, проехали. Слушай, если появится желание сдать свой чулан в подвале, скажи мне. Ты ведь им почти не пользуешься, верно?

– А что, у меня есть там чулан?

Али молитвенно закатил глаза к небу:

– Сколько лет ты здесь живешь, а, Харри?

– Я же сказал, что тоже тебя люблю.

Али с вопросительным видом уставился на Харри, который отмахнулся от него, жестом давая понять, что снова дозвонился, и помчался вверх по лестнице, держа перед собой на вытянутой руке, как лозоходец свою лозу, ключ от квартиры.

– Ну вот, теперь мы можем разговаривать, – сказал Харри, входя в свою по-спартански обставленную аккуратную двухкомнатную квартирку, купленную им за бесценок еще в конце

восьмидесятых, когда на рынке жилья царил полнейший застой. Иногда Харри казалось, что этой покупкой он исчерпал лимит удач, отпущенных ему судьбой.

– Как бы мне хотелось, Харри, чтобы ты мог сейчас быть с нами. Да и Олег по тебе соскучился.

– Он что, так прямо и сказал?

– Ему и говорить ничего не надо. Вы ведь с ним так похожи.

– Слушай, я как раз говорил, что люблю тебя. Успел повторить это три раза – сосед свидетель. Знаешь, чего это тебе будет стоить?

Ракель рассмеялась. Харри был влюблен в этот ее смех с тех самых пор, как в первый раз его услышал. Подсознательно он ощущал, что готов сделать все, лишь бы слышать его как можно чаще. Лучше всего – каждый день.

Сбрасывая на ходу ботинки, он обратил внимание, что на автоответчике в прихожей мигает красный сигнал. Харри улыбнулся: и, не будучи ясновидящим, он знал – Ракель днем уже пыталась связаться с ним. Его прозорливость объяснялась очень просто: никто другой Харри Холе на домашний номер не звонил.

– Признавайся, откуда ты взял, что меня любишь? – ворковала между тем в трубке Ракель.

Эхо, к счастью, пропало.

– Знаю, потому что чувствую, как у меня потеплело на... как это называется?

– На сердце?

– Да нет, сзади и пониже. Как же это?... Почки? Печень? Селезенка? Ага, вот! Чувствую прилив тепла к селезенке.

На другом конце провода Ракель то ли всхлипнула, то ли рассмеялась. Так толком и не поняв, Харри нажал на кнопку автоответчика.

«Привет, это снова я...»

Харри ощутил, как сердце будто всколыхнулось, и среагировал прежде, чем успел о чем-то подумать, – отключил телефонную приставку. Но было поздно: слова, произнесенные чуть хрипловатым женским голосом с вкрадчивыми интонациями, продолжали витать в воздухе, эхом отражаясь от стен комнаты.

– Что это там у тебя? – спросила Ракель.

Харри с трудом перевел дух и наконец нашелся что ответить, хотя и понимал, что уже слишком поздно:

– Да так, радио. – Откашлявшись, он продолжил: – Когда будешь знать, сообщи, каким рейсом вы прилетаете, – я вас обязательно встречу.

– Разумеется, сообщу. – В голосе ее по-прежнему сквозило недоумение.

Повисла неловкая пауза.

– Ну ладно, мне пора, – сказала наконец Ракель. – Давай созвонимся вечером, часиков в восемь.

– Отлично! То есть нет, я буду занят.

– О-о! Надеюсь, чем-то приятным?

– Ну-у... – Харри слегка замялся. Затем, набрав побольше воздуха, он выпалил: – Во всяком случае, мне предстоит встреча с женщиной.

– Вот даже как! И кто же эта счастливица?

– Беата Лённ. Новый инспектор отдела грабежей и разбойных нападений.

– И по какому поводу?

– Надо побеседовать с супругом Стине Гретте, той, которую застрелили во время ограбления на Бугстадвейен. Помнишь, я тебе рассказывал? А еще с заведующим отделением банка.

– Ладно, удачи. Созвонимся завтра. Погоди, тут Олег хочет пожелать тебе спокойной ночи.

Харри услышал торопливый детский топот, и в трубку тяжело задышали.

Положив трубку, Харри еще некоторое время стоял в прихожей, разглядывая свое отражение в зеркале над телефонным столиком. Если следовать его теории, сейчас отсюда на него смотрел хороший полицейский. Налитые кровью глаза, крупный нос, украшенный причудливой сетью синих прожилок, кожа с глубокими порами, костистое лицо. Морщины на нем выглядели глубокими зарубками, произвольно нанесенными на кусок бревна. Как же так получилось? В зеркале он видел у себя за спиной висящую на стене фотографию смеющегося загорелого мальчугана с сестренкой. Однако вопрос, который задавал себе Харри, относился отнюдь не к тому, куда девались прежние юность и красота. Сейчас его мучило совсем другое. Вглядываясь в собственные черты, он искал то, что изобличало бы в нем лгуна, предателя и труса, каким он себя ощущал после того, как только что нарушил одно из немногих обещаний, что дал себе сам: никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах не врать Ракели. В основе их непростых отношений, где и так существовало немало подводных камней, не должно оставаться места для лжи. Так почему же он все-таки солгал? Действительно, они с Беатой собирались встретиться с мужем Стине Гретте. Но почему он не рассказал, что после этого договорился о встрече с Анной? Старая пассия – что тут такого? Бурный краткий роман, после которого, разумеется, в душе остался след, однако отнюдь не рана. Они просто поболтают, выпьют по чашечке кофе, расскажут друг другу, как они жили «после того как». На том и разойдутся.

Харри вновь нажал на кнопку автоответчика, чтобы дослушать сообщение до конца. Прихожую опять наполнил голос Анны: «... жду нашей встречи сегодня вечером в «М». Да, кстати, две небольшие просьбы. Не мог бы ты по дороге заглянуть в мастерскую «Замки» на Вибесгате и забрать ключи, которые я там заказала? Они работают до семи, и я предупредила, чтобы готовый заказ отдали тебе. И еще: будь добр, надень, пожалуйста, те джинсы, которые мне всегда так нравились!»

Низкий, чуть хрипловатый смех. Казалось, вся комната вибрирует в такт ему. Нет сомнений, она все та же.

Глава 5

Немезида

Струи дождя мерцающими нитями рассекали ранние октябрьские сумерки, вспыхивая в свете лампочки, освещавшей керамическую табличку, на которой значилось, что здесь проживают Эспен, Стине и Тронн Гретте. Под «здесь» следовало понимать желтый секционный дом⁵ в районе Дисенгрэнда. Нажав на кнопку звонка, Харри осмотрелся по сторонам. Дисенгрэнда представляла собой четыре длинных секционных дома, а вокруг тянулись обширные незастроенные земельные участки, также обрамленные типовыми блочными домами. На взгляд Харри, все это напоминало круговую оборону, занятую первыми американскими поселенцами для отражения атак воинственных индейцев. В общем-то, так оно и было. Секционные дома здесь выстроили в шестидесятые годы специально для представителей бурно растущего среднего класса. Рабочие – стремительно сокращающееся коренное население блочных домов на Дисенвейен и Травервейен – уже тогда видели в них новых хозяев жизни, новых властителей будущей страны.

– Непохоже, чтобы он был дома, – сказал Харри и еще раз позвонил в дверь. – Как по-твоему, он хорошо уяснил, что мы придем к нему во второй половине дня?

– Нет.

– Нет?

Харри обернулся и посмотрел на Беату Лённ. Укрывшись под зонтиком, девушка тряслась от холода. На ней была юбка и туфли на высоких каблуках. Еще когда Беата подхватила его у «Шрёдера», ему сразу пришло в голову, что одета она скорее как на вечеринку – вовсе не для допроса.

– Гретте дважды подтвердил договоренность, когда я звонила ему, – сказала она. – Но при этом у меня создалось впечатление, что он немного того... не в себе.

Харри перегнулся через перила крыльца и прижался носом к кухонному окошку. Внутри было темно; единственное, что ему удалось рассмотреть, – белый настенный календарь с логотипом «Нордеа».

– Ладно, поехали обратно, – сказал он.

В этот момент с шумом распахнулось кухонное окно у соседей.

– Вы, случаем, не Тронна ищете?

Слова эти были произнесены с типичным бергенским акцентом: «р» настолько раскатистое, что казалось, средних размеров поезд сходит с рельс. Повернувшись, Харри увидел смуглое морщинистое лицо пожилой женщины, которая пыталась одновременно и улыбнуться, и сохранить серьезное, даже скорбное выражение.

– Точно, – подтвердил Харри.

– Родственники?

– Полиция.

– Понятно, – кивнула пожилая дама, и скорбная мина исчезла. – Я-то думала, вы пришли выразить соболезнования. Он на теннисном корте, бедняга.

– На теннисном корте?

– Вон там, за забором палисадника, – показала соседка. – Он там с четырех часов.

– Но ведь уже совсем темно, – сказала Беата. – И дождь идет.

Дама пожала плечами:

– Видно, он сильно переживает.

⁵ Многоквартирный дом, составленный из примыкающих друг к другу многоквартирных домов, имеющих общую крышу.

Она так напирала на свое трескучее «р», что Харри вспомнилось детство, проведенное в Уппсале⁶: точно так же трещали, ударяясь о спицы, кусочки жесткого картона, которые они специально закрепляли на втулках своих велосипедов.

– Насколько я понимаю, ты тоже родом с востока, – сказал Харри, когда они с Беатой двинулись в направлении, указанном дамой. – Или я ошибаюсь?

– Нет, – коротко ответила Беата.

Теннисный корт оказался на полпути между блочными и секционными домами. Глухие удары ракетки о мокрый мяч они слышали еще издалека, а когда подошли ближе, сумели в быстро сгущающихся осенних сумерках различить на огороженной металлической сеткой площадке силуэт одинокого игрока, раз за разом тренирующего подачу.

– Эй, вы, там! – позвал Харри, подходя вплотную к ограде.

Мужчина не ответил. Только сейчас стало видно, что на нем костюм, рубашка и галстук.

– Тронн Гретте?

Теннисный мячик плюхнулся в темную лужу и отскочил к сетчатой ограде, обрушив на них каскад дождевых брызг, которые Беата, к счастью, отразила своим зонтом.

Девушка попыталась открыть калитку.

– Он заперся изнутри, – шепнула она.

– Холе и Лённ из полиции! – крикнул Харри. – Мы с вами договаривались. Можно, мы... Черт!

Харри заметил мячик, только когда он врезался в металлическую сетку и застрял в ней в дюйме от его лица. Протерев глаза от брызг, он осмотрел свой костюм и убедился, что выглядит так, будто его только что с головы до ног обдали жидкой красновато-коричневой грязью из краскопульта. Увидев, как теннисист подбрасывает следующий мяч, Харри непроизвольно повернулся к нему спиной.

– Тронн Гретте!

Ответом на крик Харри было эхо, родившееся между блочными домами. Прочертив замысловатую дугу на фоне света, падающего из их окон, очередной теннисный мячик скрылся где-то во тьме за пределами площадки. Харри снова повернулся к корту как раз в тот миг, когда некое существо с диким ревом выскочило из темноты и с размаху ринулось на ограждение как раз напротив него. В момент соприкосновения разъяренного теннисиста с металлической сеткой раздался надсадный скрежет. Нападавший рухнул на четвереньки, затем поднялся, разбежался и повторил свою попытку. Упал, поднялся и кинулся снова.

– Господи, да у него, похоже, крыша поехала, – пробормотал Харри.

Он инстинктивно отшатнулся, увидев прямо перед собой мертвенно-бледное лицо с выпученными глазами. Это Беата включила фонарик и осветила повисшего на ограждении Гретте. Ко лбу его прилипла прядь мокрых черных волос, а бегающий взгляд, казалось, искал, за что бы зацепиться. Медленно скользя по сетке, как тающая снежная каша по ветровому стеклу, он наконец сполз на землю и замер.

– И что нам теперь делать? – по-прежнему шепотом спросила Беата.

Почувствовав, как что-то скрипнуло у него на зубах, Харри сплюнул в ладонь и убедился, посветив фонариком, что это красноватая грязь с гаревого корта.

– Звони в «скорую», а я пока схожу к машине за кусачками, – сказал он.

– И что, ему дали успокоительное? – спросила Анна.

Харри кивнул и сделал глоток колы. Вокруг них у барной стойки, как куры на насесте, сидели представители младой поросли здешних завсегдатаев из числа жителей западной части Осло и дружно поглощали вино, коктейли и колу. «М», как и большинство столичных кафе,

⁶ Уппсал – пригород Осло.

было заведением, с одной стороны, достаточно фешенебельным, а с другой – довольно провинциальным. Такая смесь претенциозности и наивной скромности производила, в общем, благоприятное впечатление. Харри почему-то вспомнился одноклассник по прозвищу Диез – отличник и тихоня, – у которого, как однажды выяснилось, имелась некая тетрабочка, куда он прилежно записывал все бранные слова из лексикона отпетых школьных хулиганов.

– Они свезли беднягу в больницу. Мы еще немного побеседовали с соседкой, и выяснилось, что с тех пор, как погибла жена, он каждый вечер проводил на корте, раз за разом тренируя подачу.

– Надо же. С чего бы это?

Харри пожал плечами:

– Психические срывы не редкость у тех, кто теряет близких при таких обстоятельствах. Некоторые стараются забыть обо всем и вести себя так, будто умерший человек по-прежнему жив. Соседка рассказала нам, что Стине и Тронн Гретте были превосходной парой в миксте и, если позволяла погода, ходили на корт чуть ли не каждый вечер.

– Выходит, он ждал, что жена вот-вот примет его подачу?

– Похоже на то.

– О господи! Слушай, закажи мне еще пивка, а я пока прогуляюсь в туалет.

Анна соскочила с высокого стула и, слегка покачивая бедрами, направилась в глубину зала. Харри старался не провожать ее взглядом. Он уже успел рассмотреть все, что его интересовало. Пара свежих морщинок у глаз, несколько новых седых волосков в прическе цвета воронова крыла. В остальном она была все той же. Прежний, слегка загнанный взгляд угольно-черных глаз из-под сросшихся бровей, немного крючковатый узкий нос, излишне полные вульгарные губы, впалые щеки, временами придававшие всему лицу какое-то голодное выражение. Красавицей ее не назовешь – для этого все черты были слишком тяжелыми и резкими, – однако Харри успел заметить, что стройная фигурка и плавные изгибы ее тела заставили как минимум двоих сидящих в зале мужчин умолкнуть, потеряв нить разговора, и проводить ее пристальным взглядом.

Харри прикурил новую сигарету. После Гретте они побывали у заведующего отделением банка Хельге Клементсена, однако и этот визит не дал им практически ни одной дополнительной зацепки. Клементсен по-прежнему пребывал в шоковом состоянии: неподвижно сидел на стуле в своей квартирке в доме на две семьи по Хьелсосвейен и только тупо переводил взгляд с суесящегося у его ног королевского пуделя на супругу, спящую между кухней и столовой с кофейником и блюдом пирожных-трубочек, таких сухих и черствых, каких Харри еще никогда не доводилось пробовать. В уютном мещанском гнездышке четы Клементсен костюм Беаты смотрелся куда лучше, чем застиранные джинсы «левис» и тяжелые мартенсы Харри. Тем не менее именно Харри в основном поддерживал разговор с лихорадочно хлопочущей фру Клементсен о небывалом количестве осадков, выпавших в Осло этой осенью, а также об искусстве приготовления сладких трубочек. Временами их светскую беседу прерывали тяжелые шаги и рыдания, доносившиеся из квартиры сверху. Фру Клементсен объяснила, что это их беременная дочь Инна. Муж ее, мерзавец эдакий, не придумал ничего лучше, чем откосить именно теперь, когда бедняжка уже на шестом месяце. Именно «отКосить»⁷ – этот прохвост ко всему прочему еще и грек. Харри уже едва сдерживался, чтобы не швырнуть на стол каменную трубочку, когда Беата наконец-то соизволила вступить в разговор. Дождавшись момента, когда пес покинул гостиную и Хельге Клементсен вынужден был сфокусировать свой бегающий взгляд всецело на одном предмете – супруге, Беата ровным и спокойным тоном поинтересовалась:

– Как вам кажется, какого роста был грабитель?

⁷ Кос – греческий остров.

Хельге Клементсен посмотрел на нее, порывисто схватил чашку с кофе и застыл, так и не донеся ее до рта, поскольку не мог и пить, и отвечать одновременно:

– Высокий. Может быть, метра два. Стине, она ведь никогда не опаздывала.

– Но он не был таким уж высоким, господин Клементсен.

– Ну тогда, может, метр девяносто. И всегда была такой аккуратной.

– А в чем он был?

– В чем-то черном, вроде как прорезиненном. Прошлым летом она впервые взяла полный отпуск. Ездил на Кос.

Фру Клементсен возмущенно фыркнула.

– Прорезиненном? – переспросила Беата.

– Да. И еще шапка.

– Какого она была цвета, господин Клементсен?

– Красного.

Беата прекратила делать пометки в блокноте, и несколько минут спустя они уже снова сидели в ее машине, двигаясь к городу.

– Если б только судьи и присяжные знали, как мало можно доверять показаниям свидетелей в делах о такого рода ограблениях, нам бы ни за что не позволили использовать их в качестве доказательной базы, – сказала Беата. – Иной раз просто диву даешься, что происходит у людей с мозгами, когда они пытаются восстановить события. От испуга они все видят словно через очки, и грабители кажутся им гораздо выше и лучше вооруженными, чем на самом деле. А время? Секунды в их представлении как бы растягиваются. Нашему грабителю на все про все понадобилось чуть более минуты, а фру Брэнне, дама из окошечка, того, что ближе к двери, считает, что он пробыл в банке около пяти минут. А рост его вовсе не два метра, а всего метр семьдесят восемь. Разумеется, если он не использовал каблуки, что, кстати, вовсе не редкость среди профессионалов.

– Каким образом тебе удалось так точно вычислить рост?

– По видеозаписи. Я отметила его рост на косяке в том кадре, когда он появляется в дверном проеме. Сегодня утром я снова съездила в банк, разметила косяк, сфотографировала, а потом сравнила с исходной картинкой.

– Хм... Мы в убойном привыкли, что всякие там замеры производит оперативная группа.

– На самом деле расчет роста преступника по видеозаписи не такое уж простое дело. В восемьдесят девятом, после ограбления филиала Норвежского банка в Калбаккене, оперативная группа ошиблась с ростом преступника на целых три сантиметра. Так что я предпочитаю делать замеры сама.

Харри покосился на девушку и хотел было поинтересоваться, почему она пошла в полицию. Однако вместо этого попросил высадить его у замочной мастерской на Вибес-гате. Правда, перед тем как выйти, он спросил, обратила ли Беата внимание, что Клементсен не пролил ни единой капли из полной до краев чашки кофе, которую он держал на весу, пока она его допрашивала. Оказалось, что нет.

– Тебе здесь нравится? – поинтересовалась Анна, снова взбираясь на стул.

– Ну-у... – Харри осмотрелся. – Вообще-то местечко не совсем в моем стиле.

– Да и не в моем тоже, – сказала Анна, подхватила сумочку и встала. – Давай переберемся ко мне.

– Я только что взял тебе еще пива, – сказал Харри, кивая на пенящуюся пол-литровую кружку.

– Одной пить так скучно, – скривилась она. – Ладно, Харри, расслабься. Пойдем.

Когда они вышли на улицу, оказалось, что дождь перестал и в воздухе веет приятной прохладой и свежестью.

– Помнишь, как однажды осенью мы заехали с тобой в Маридален? – спросила Анна, на ходу просовывая руку под его локоть.

– Нет, – отозвался Харри.

– Да ладно тебе! Наверняка помнишь! Ну, еще сиденья в твоём убитом «форд-эскорте» ни за что не хотели раскладываться.

Харри криво усмехнулся.

– А-а, покраснел, – с удовлетворением отметила она. – Тогда ты наверняка должен помнить, что мы припарковались и отправились в лес. А помнишь все эти желтые листья, которые служили нам... – она сжала его руку, – постелью? Огромной золотой постелью. – Со смешком она шутливо ткнула его в бок. – А после мне пришлось помогать тебе и толкать этого монстра – твою тачку, чтобы она завелась. Надеюсь, ты наконец с ней расстался?

– Ну-у, – замялся Харри. – Сейчас она в мастерской. А там посмотрим.

– Ого! Ты говоришь о ней как о друге, который слег в больницу с чем-то вроде рака. – И прибавила, на этот раз совсем тихо: – Эх, Харри, не стоило тебе тогда так легко сдаваться.

Он не ответил.

– Вот мы и пришли, – сказала она. – Это-то ты, по крайней мере, не забыл?

Они остановились у выкрашенного в синий цвет подъезда дома на Соргенфри-гате.

Харри осторожно высвободил руку.

– Слушай, Анна, – начал он, стараясь не замечать ее предостерегающего взгляда, – завтра рано утром у меня встреча с осведомителями в отделе грабежей и разбойных нападений.

– Даже не пытайся, – сказала она, отпирая подъезд.

Вспомнив кое о чем, Харри сунул руку во внутренний карман плаща и протянул ей желтый конверт.

– Из мастерской.

– А, ключ. Как все прошло, нормально?

– Парень в приемке долго изучал мои документы. Кроме того, мне пришлось где-то расписаться. Странный субъект.

Харри взглянул на часы и зевнул.

– Просто у них строгие правила, когда речь идет об изготовлении ключей, – торопливо заметила Анна. – Ведь это универсальный ключ – им можно открыть все: подъезд, подвал, квартиру. – Она нервно хихикнула. – Чтобы изготовить один такой запасной ключ, они даже потребовали письменное согласие от моего соседа.

– Надо же.

Качнувшись на каблуках, Харри набрал в легкие побольше воздуха, готовясь попрощаться.

Однако Анна его опередила. При этом в голосе ее прозвучали едва ли не умоляющие нотки:

– Харри, ну всего только чашечку кофе.

Все та же люстра под самым потолком в большой комнате над все тем же столовым гарнитуром. Харри даже казалось, что обои прежде здесь были светлые – белые или, возможно, желтые. Тут он был не вполне уверен. Теперь обои были голубые и сама комната казалась меньше. Быть может, Анна намеренно старалась сократить пространство. Нелегко в одиночку пытаться заполнить собою три комнаты и две большие спальни с потолками в три с половиной метра. Когда-то Анна говорила Харри, что ее бабушка тоже жила здесь одна. Однако ей не приходилось проводить дома так много времени – пока могла петь, она моталась со своим знаменитым сопрано по всему свету.

Анна скрылась на кухне, а Харри заглянул в соседнюю комнату. Она была абсолютно пустой, лишь посередине на широко расставленных деревянных ножках стоял гимнастический

конь величиной с доброго исландского пони. Сверху красовались две рукоятки. Харри подошел поближе и провел ладонью по гладкой коричневой коже.

– Ты что, занялась гимнастикой? – громко спросил он.

– Это ты о коне? – прокричала с кухни Анна.

– Мне всегда казалось, это мужской снаряд.

– Да, точно. Уверен, Харри, что не будешь пиво?

– Абсолютно уверен! – крикнул он в ответ. – Ну а если серьезно, зачем он тебе?

Услышав ее голос, раздавшийся прямо у него за спиной, Харри вздрогнул от неожиданности.

– А я вообще люблю делать то, что делают мужчины.

Харри обернулся. Она сняла с себя свитер и стояла в дверном проеме, опершись одной рукой на косяк, подбоченясь другой. Харри едва сдержал восхищенное восклицание.

– Я купила его в Гимнастическом союзе Осло. Это будет мой шедевр, вот увидишь. Я устрою инсталляцию, аттракцион. Совсем как «Контакт» – ты его наверняка помнишь.

– Ты имеешь в виду поставленную на стол коробку с занавеской, куда надо просовывать руки? А внутри были спрятаны муляжи рук, которые можно пожимать.

– Или погладить. А еще заигрывать с ними. Или оттолкнуть. Вмонтированные в них термоэлементы постоянно поддерживали температуру тела. В этом и была вся фишка, верно? А народ думал, что просто кто-то прячется под столом. Пойдем-ка, я тебе еще кое-что покажу.

Он последовал за ней к дальней комнате. Анна раздвинула дверь, схватила Харри за руку и увлекла его за собой во тьму. Когда наконец вспыхнул свет, Харри замер, глядя на его источник. Это был золоченый торшер в виде женской фигуры. В одной руке женщина держала весы, в другой – меч. Светильники были расположены на кончике меча, на весах и на голове у женщины. Оглянувшись, Харри увидел, что свет каждого из них направлен на одну из картин. Две картины висели на стене, а третья, очевидно еще не законченная, стояла на мольберте, в левом нижнем углу которого была закреплена палитра, заляпанная желтой и коричневой краской.

– Что за картины? – поинтересовался Харри.

– Портреты, разве не видишь?

– Точно. Это глаза? – указал он. – А рот здесь?

Анна склонила голову набок:

– Если тебе так хочется, то да. Вообще-то это трое мужчин.

– Я кого-нибудь знаю?

Прежде чем ответить, Анна некоторое время в задумчивости смотрела на Харри.

– Нет, не думаю, Харри, чтобы ты был знаком с кем-нибудь из них. Однако можешь познакомиться. Если действительно этого хочешь.

Харри попытался более внимательно рассмотреть картины.

– Скажи мне, что ты видишь?

– Вижу своего соседа с финскими санями. Парня, вышедшего из подсобки мастерской, когда я собрался уходить. Вижу официанта из «М». А также Пера Столе Лённинга⁸.

Она улыбнулась.

– А тебе не приходилось слышать, что сетчатка глаза поворачивает воспринимаемый ею предмет, так что в мозг поступает зеркальное его отображение? И если хочешь увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле, следует смотреть на них в зеркало. Если б ты так и сделал, то увидел бы на этих картинах совсем других людей. – В глазах ее сияло торжество, и Харри не решился возразить, что на сетчатке глаза изображение предметов действительно оказывается перевернутым, однако вовсе не так, как в зеркале, а вверх ногами. – Это будет моим последним шедевром, Харри. Благодаря этому я оставляю память о себе.

⁸ Известный норвежский радио- и телеведущий.

– Благодаря этим портретам?

– Нет, это лишь часть всего шедевра. Он пока еще не окончен. Но обязательно будет готов, дай срок.

– Хм. Хоть название-то у него имеется?

– Немезида, – тихо, едва не шепотом, ответила она.

Харри удивленно посмотрел на нее; их взгляды встретились.

– Ну знаешь, так звали богиню.

Часть ее лица покрывала тень. Харри отвернулся. Он и так уже все рассмотрел. Спина, изогнутая как в танце в ожидании руки партнера, одна нога выставлена немного вперед, как будто она никак не может решить: сделать ли ей шаг навстречу либо уйти. Тяжело вздымающаяся и опадающая грудь, худая шея с напряженной, набухшей веной – ему даже казалось, он видит, как она пульсирует. Харри ощутил, как его накрывает горячая волна; голова немного кружилась. Что там она сказала? «Не стоило тебе тогда так легко сдаваться». Может, и верно?

– Харри...

– Мне надо идти, – с трудом выдавил он.

Он через голову стащил с нее платье, и она, смеясь, бросилась навзничь на белые простыни. Яркий бирюзовый свет, проникая меж стволов качающихся пальм с заставки на экране ноутбука, стоящего на письменном столе, оставлял причудливые блики на скалящихся рожицах чертей и демонов, вплетенных в фантастический узор резной спинки кровати. Они лукаво взирали на то, как она растянула его ремень. Анна как-то рассказывала ему, что это кровать ее бабки и стоит на одном и том же месте вот уже почти восемьдесят лет. Покусывая его мочку, она сначала шептала какие-то ласковые слова на незнакомом языке, потом разом умолкла, оседлала его и начала бешеную скачку, сопровождая ее истошными воплями, смехом и мольбами, обращенными к каким-то неведомым высшим силам. А он страстно желал лишь одного – чтобы неистовая гонка эта все длилась и длилась. Однако внезапно, когда он был уже на грани оргазма, Анна замерла, сжала его лицо ладонями и прошептала:

– Мой навеки?

– Черта с два! – шутливо прорычал он, рванулся, опрокинул ее на спину и теперь уже сам оказался сверху.

Деревянные демоны весело подмигивали ему.

– Мой навеки?

– Да, – простонал он и кончил.

Обливаясь потом, но все равно не в силах оторваться друг от друга, они долго лежали поверх одеяла, не разжимая объятий и заливаясь счастливым смехом. Немного успокоившись, Анна поведала, что эта кровать была подарена бабке одним испанским аристократом.

– После концерта, который она давала в Севилье в одиннадцатом году, – уточнила она, слегка приподняв голову, чтобы Харри удобнее было поднести к ее губам зажженную сигарету.

Кровать же прибыла в Осло спустя три месяца с пароходом «Элеонора». Случайно, а может, и не совсем, судьба распорядилась так, что первым – но отнюдь не лучшим – любовником бабки в этой постели стал капитан судна Эспер как-его-там. По рассказам бабки, именно необузданная пылкость этого самого Эспера стала причиной того, что лошадь на спинке кровати лишилась головы. В порыве страсти капитан Эспер попросту оторвал ее.

Анна приснула, Харри также усмехнулся. Когда сигарета была выкурена, они снова любили друг друга с таким неистовством, что испанский матрас и рама кровати под ними ходили ходуном, издавая треск и жалобный скрип. Харри даже на мгновение показалось, что они и впрямь на борту корабля, за штурвалом которого никого нет; как ни странно, его это совсем не тревожило.

Он подумал, что уже и не помнит, когда в последний раз ему случалось засыпать на кровати бабки Анны, а уж трезвым-то и подавно.

Харри повернулся на бок на узкой кровати с металлической сеткой. Дисплей радиобудильника на ночном столике показывал 3.21. Он выругался вслух. Закрыв глаза, он дождался, пока мысли снова вернутся к Анне и тому лету на белых простынях в бабкиной постели. Да, он постоянно бывал пьян, однако те ночи, что запомнились ему, были прекрасны и сплошь окрашены в розовые тона, как эротические открытки. Даже фразу, подводящую черту под этим летом – хотя, по сути, это было избитое клише, – он произнес вполне искренне и с подлинной теплотой: «Ты заслуживаешь кого-то лучшего, чем я».

К тому времени он пил уже так сильно, что видел этому лишь один исход. И в один из редких моментов просветления решил, что ни за что не потащит ее за собой. Она проклинала его на своем непонятном языке и даже поклялась, что в один прекрасный день сделает с ним то же – отнимет у него самое дорогое, единственное, что он по-настоящему любит.

Все это было семь лет назад и продолжалось шесть недель. Позже он встречал ее всего дважды. Один раз в баре, куда она явилась вся в слезах и сразу же попросила его найти себе другое место, что он, собственно, и сделал. И второй – на выставке, куда Харри пришел с Сестренным. Он обещал ей позвонить, но так и не сдержал слова.

Харри снова покосился на часы. 3.32. Он поцеловал ее. Сегодня вечером. Оказавшись в безопасности за входной дверью ее квартиры с толстым матовым стеклом, он обнял ее, пожелал спокойной ночи и поцеловал. По-дружески, один-единственный раз. Уж то, что один раз, – точно. 3.33. Черт, и когда только он успел стать таким деликатным? Мучает совесть из-за того, что поцеловал на ночь свою бывшую пассию? Пытаясь дышать глубоко и ровно, Харри попробовал сконцентрировать мысли на возможных маршрутах отхода с Бугстадвейен через Индустри-гате. Удалось. Нет. Снова удалось. И все же он по-прежнему ощущал ее аромат. Сладкую тяжесть ее тела. В ушах звучал чуть хрипловатый настойчивый голос.

Глава 6

Чили

Первые лучи солнца, перевалив через вершину Экебергского кряжа, проникли под наполовину приоткрытые жалюзи комнаты совещаний убойного отдела и упорно пытались вклиниться в узенькие щелочки между веками, слепя и без того болезненно прищуренные глаза Харри. В торце длинного стола, заложив руки за спину, широко расставив ноги и слегка раскачиваясь на каблуках, стоял Руне Иварссон. Позади него возвышался большой планшет с отрывными листами бумаги; на первом из них большими красными буквами было написано: «Добро пожаловать». С трудом подавив зевок при первых словах начальника отдела, Харри вяло подумал, что Иварссон, по-видимому, подсмотрел это на каком-то из бесчисленных семинаров или презентаций, которые он исправно посещал.

– Доброе утро всем. Мы, восемь человек, сидящие за этим столом, составляем следственную группу по делу о произошедшем в пятницу ограблении на Бугстадвейен.

– Убийстве, – пробурчал Харри.

– Что-что?

Харри попытался сесть чуть прямее, однако, как он ни поворачивался, проклятое солнце продолжало слепить глаза.

– Было бы правильнее с самого начала классифицировать дело как убийство и исходя именно из этого строить все расследование.

Не глядя на Харри, Иварссон криво улыбнулся, пытаясь охватить взглядом всех прочих сидящих за столом:

– Я думал начать с того, чтобы представить всех собравшихся, но коль скоро наш друг из убойного отдела уже начал... Старший инспектор Харри Холе любезно предоставлен в наше распоряжение его начальником Бьярне Мёллером, поскольку специализируется исключительно на смертельных исходах.

– На убийствах, – перебил Харри.

– На убийствах. Слева от Холе сидит Карл Вебер из экспертно-криминалистического отдела, который руководил осмотром места происшествия. Как многие из вас знают, Вебер – опытейший специалист по розыску следов. Славится как своими аналитическими способностями, так и безошибочной интуицией. Начальник Управления как-то сказал, что был бы рад взять его с собой на охоту в Трюсиль в качестве ищейки.

За столом засмеялись. Даже не оборачиваясь, Харри мог бы поспорить, что у самого Вебера на лице не появилось ни тени улыбки. Вебер не улыбался почти никогда. Во всяком случае, тем, кто ему не нравился. А не нравились ему почти все. И особенно новые молодые начальники, которые, по мнению Вебера, все как один были невежественными карьеристами, ничего не смыслящими в своей профессии и начисто лишенными чувства корпоративной солидарности. Тем сильнее в них было развито бюрократическое чутье, стремление к власти и желание занять высокую должность, ради чего не грех было и погостить в Полицейском управлении.

Иварссон усмехнулся. Дожидаясь, пока смех за столом стихнет, он раскачивался на каблуках, похожий на капитана судна в момент сильного волнения на море.

– Беата Лённ, напротив, человек в наших рядах новый, неопытный; специализируется на анализе видеоматериалов.

Беата залилась краской.

– Она дочь Йоргена Лённа, который двадцать лет прослужил в подразделении, в то время называвшемся отделом грабежей и убийств. Все говорит за то, что она готова повторить славный путь своего отца: она уже успела внести весомый вклад в раскрытие нескольких дел. Не помню, упоминал ли я об этом, но за последний год мы в отделе грабежей и разбойных нападе-

ний повысили раскрываемость почти до пятидесяти процентов, что, если брать международные показатели...

– Ты уже упоминал об этом, Иварссон.

– Благодарю.

На этот раз Иварссон в упор посмотрел на Харри, не забыв, однако, снова улыбнуться. Улыбка до самых десен обнажила клыки и сделала его похожим на гигантскую рептилию. Не меняя выражения лица, он представил остальных. Двоих из них Харри знал. Магнус Риан, молодой парень из Томрефьордена, работал в убийном отделе уже полгода и производил, в общем-то, хорошее впечатление. Другой, Дидрик Гудмундсон, был заместителем начальника отдела, самым опытным сыщиком из всех собравшихся. Работу свою он выполнял спокойно и методично; у Харри с ним никогда не возникало никаких проблем. Остальные двое также были сотрудниками отдела грабежей и разбойных нападений, оба носили фамилию Ли, однако Харри хватило и одного взгляда, чтобы понять, что они вовсе не однойцовые близнецы. Туриль Ли была высокой блондинкой с тонкими губами и непроницаемым лицом, а Ула Ли – рыжим коротышкой с пухлой рожой и смеющимися глазами. Харри столько раз сталкивался с ними в коридорах Управления, что другой на его месте давно бы уже начал здороваться с ними, однако Харри это как-то не приходило в голову.

– Меня самого, надеюсь, все знают, – подвел черту под представлениями Иварссон. – Однако на всякий случай уточню: я шеф отдела грабежей и разбойных нападений и мне поручено руководить этим расследованием. А в качестве ответа на то, что ты сказал в самом начале, Холе, хочу заметить, что нам не впервые приходится заниматься ограблением со смертельным исходом.

Харри постарался сдержаться. Честно. Но ему помешала крокодилья улыбка Иварссона.

– И здесь процент раскрываемости у вас также чуть менее пятидесяти?

Лишь один из сидящих за столом рассмеялся, однако смеялся он громко. Это был Вебер.

– Простите, что забыл кое-что сказать вам о Холе, – перестав улыбаться, заметил Иварссон. – По всей видимости, у него прорезался комический талант. Насколько могу судить, не хуже, чем у Рене Арве Упсала⁹.

На мгновение повисло тягостное молчание. Отрывистый, лающий смех Иварссона чуть ослабил напряжение; кое-кто за столом даже попытался последовать его примеру.

– О'кей, давайте начнем с краткого подведения итогов того, что у нас имеется. – Иварссон перекинул на планшете лист с надписью «Добро пожаловать». Следующий лист оказался чистым. Сняв колпачок с фломастера, Иварссон приготовился записывать: – Вебер, прошу.

Карл Вебер встал. Это был невысокий человек с гривой седых волос и окладистой бородой. Голос его напоминал глухое зловещее урчание, впрочем, вполне членораздельное:

– Буду краток.

– Никоим образом, Карл, – возразил Иварссон, поднося фломастер к бумаге. – Времени у тебя столько, сколько потребуется.

– Поскольку много времени мне не потребуется, то буду краток, – проворчал Вебер. – У нас нет ничего.

– Вот именно, – подтвердил Иварссон и опустил фломастер. – Что конкретно ты имеешь в виду, говоря «ничего»?

– У нас есть отпечаток новехоньких кроссовок «Найк» сорок пятого размера. Практически все, что связано с этим ограблением, преступник проделал настолько профессионально, что одно это наводит меня на мысль: размер вовсе не его. Произведена баллистическая экспертиза. Стандартная пуля калибра семь целых шестьдесят две сотых к автоматической винтовке AG-3 – самому распространенному в королевстве Норвегия оружию, которое имеется

⁹ Норвежский комический актер.

в каждой казарме, на складе вооружения, а также в доме каждого офицера запаса или же солдата «хемверна»¹⁰. Одним словом, никаких зацепок. Кроме того, что он как будто бы туда и не входил. И не выходил. Снаружи мы, кстати, также все тщательно осмотрели.

Вебер сел.

– Спасибо, Вебер, это... э-э-э... проясняет ситуацию. – Иварссон открыл следующий лист, на котором значилось: «Свидетели». – Холе?

Харри еще больше развалился на стуле:

– Все присутствовавшие в банке в момент ограбления опрошены непосредственно по горячим следам, и никто из них не сообщил ничего такого, чего бы не было видно на записи. То есть некоторые таки припомнили кое-что, однако у нас есть все основания считать их показания ошибочными. Один из свидетелей видел, что грабитель уходил по Индустри-гате, однако никто этого не подтверждает.

– Что переносит нас к следующему пункту – автомобиль, – откликнулся Иварссон. – Туриль?

Туриль Ли встала и включила проектор, в который уже был вложен целлулоидный листок с составленным ею списком легковых автомобилей, угнанных за последние три месяца. С жестким суннмёрским акцентом, четко выговаривая каждое слово, Ли объяснила, почему четыре из них она выделила в качестве наиболее вероятного транспортного средства для обеспечения отхода грабителя с места преступления. При этом сослалась на то, что все эти машины относятся к наиболее распространенным в стране маркам и моделям, все они светлые, неприметные и к тому же достаточно новые, чтобы не опасаться технической неисправности в самый неподходящий момент. Особого внимания, по ее мнению, заслуживал один «фольксваген гольф GTI». Обычно припаркованный прямо на улице, он был угнан с Маридалсвейен как раз вечером накануне ограбления.

– Налетчики, как правило, стараются угонять машины для обеспечения отхода перед самым совершением преступления, чтобы они не попали в списки разыскиваемых автомобилей, которые есть у всех патрульных полицейских, – пояснила Туриль Ли, выключила проектор и заняла свое место за столом, не забыв прихватить листок.

Иварссон кивнул:

– Спасибо.

– Вот уж действительно не за что, – шепнул Харри Веберу.

Следующий лист планшета получил заголовок «Анализ видеоматериалов». Иварссон аккуратно закрыл фломастер колпачком. Беата нервно сглотнула, откашлялась, отпила воды из стоящего перед ней стакана, снова кашлянула и, уставившись в стол, едва слышно начала:

– Я определила рост...

– Будь так добра, Беата, говори чуть громче. – Крокодилья улыбка.

Беата опять закашлялась.

– Пользуясь видеозаписью, я определила рост преступника. Метр семьдесят девять. По моей просьбе Вебер перепроверил расчеты и полностью со мной согласился.

Вебер кивнул.

– Прекрасно! – с преувеличенным энтузиазмом воскликнул Иварссон, сорвал колпачок с фломастера и записал: «Рост – 179 см».

По-прежнему обращаясь исключительно к столешнице, Беата продолжила:

– Кроме того, я проконсультировалась с нашим специалистом по голосовому анализу – Аслаксом из Университета естественных наук. Он прослушал пять слов, произнесенных грабителем по-английски. Аслаксен сказал... – Беата подняла испуганный взгляд на Иварссона,

¹⁰ Силы гражданской обороны Норвегии.

стоявшего спиной к ней и готового записывать, – что качество записи весьма скверное и она не поддается анализу.

Занесенная было рука Иварссона стремительно рухнула вниз; одновременно погас прямоугольник света, который отбрасывали на стену проникавшие сквозь окно лучи низко стоящего солнца, внезапно закрытого набежавшим облаком. В комнате повисла мертвая тишина. Иварссон шумно втянул воздух и принялся с агрессивным видом раскачиваться на мысках.

– К счастью, на закуску мы все же приберегли козырь.

Начальник отдела грабежей и разбойных нападений открыл последний лист планшета. «Показания агентов наружного наблюдения» – значилось на нем.

– Для тех, кто не работает в нашем отделе, следует пояснить, что показания агентов – первое, к чему мы обращаемся, если в нашем распоряжении имеется видеозапись ограбления. В семи из десяти случаев хорошая запись позволяет установить личность налетчика, если он относится к числу наших старых клиентов.

– Даже несмотря на маску? – поинтересовался Вебер.

Иварссон кивнул:

– Хороший агент наружки опознает старого знакомого по телосложению, жестам, по голосу, по характерной манере говорить что-то в момент совершения налета – то есть по всем тем мелочам, которые не скроешь под маской.

– Тем не менее недостаточно просто опознать преступника, – вставил Дидрик Гудмундсон, заместитель Иварссона. – Необходимы...

– Именно, – прервал его Иварссон. – Необходимы улики. С помощью наших схем мы вполне можем вычислить имя преступника, однако коль скоро он в маске, а материальные улики отсутствуют, то можно считать, что в правовом отношении мы не слишком продвинулись в расследовании.

– И сколько же из этих семи опознанных оказываются осужденными? – спросил Вебер.

– По крайней мере, некоторые, – уклонился от прямого ответа Иварссон. – И все же гораздо лучше хотя бы знать, кто именно совершил ограбление, даже если преступник остается на свободе. Так мы изучаем его манеру и методы. И возможно, возьмем его на следующем преступлении.

– А что, если следующего не будет? – поинтересовался Харри.

Он обратил внимание, что, когда Иварссон смеется, над ушами у него набухают вены.

– Дорогой ты наш специалист по убийствам, – с нескрываемой иронией продолжил Иварссон. – Стоит тебе оглядеться, и ты увидишь, что у большинства этот твой вопрос вызвал улыбки. Дело в том, что, если преступление удалось, грабитель всегда – всегда! – будет пытаться повторить его. Для него это как закон тяготения. – Иварссон взглянул в окно, позволил себе еще раз насмешливо хмыкнуть и резко крутанулся на каблуках. – Ну что ж, если мы наконец завершили с ликбезом, то, может быть, посмотрим, что конкретно у нас есть? Ула?

Ула Ли посмотрел на Иварссона, как будто размышляя, встать ему или нет, однако в конечном итоге, по-видимому, решил говорить сидя:

– Вчера вечером было мое дежурство. Готовый материал, включающий записи всех камер слежения, поступил к нам в пятницу в восемь вечера. Я собрал всех дежурных агентов наружки в «Камере пыток» и заставил отсмотреть записи. Тех, кто в пятницу был свободен, вызвал на субботу. Всего материал отсмотрели тринадцать агентов. Первый – в пятницу в восемь часов, последний...

– Отлично, Ула, – прервал Иварссон. – И что они?

Ула издал нервный смешок, прозвучавший резко, как каркающий крик чайки.

– Ну так что?

– Эспен Воланд сейчас на бюллетене, – замаявшись, сказал наконец Ула. – Он знает в лицо большинство грабителей. Попытаюсь вытащить его сюда завтра.

– Так что ты все-таки можешь нам сказать?

Ула обвел взглядом собравшихся.

– Весьма немного, – тихо выдавил он.

– Ула все еще относительный новичок в этом деле, – сказал Иварссон, и Харри увидел, как на скулах его заходили желваки. – Ему требуется стопроцентная гарантия опознания, что само по себе, в общем-то, похвально. Однако это уже перебор, особенно если грабитель...

– Убийца.

– ...в маске, полностью переодет и к тому же среднего роста, предпочитает помалкивать, двигается явно нетипично и носит обувь слишком большого размера. – Иварссон слегка повысил голос: – Ну, Ула, не томи. Так кто же у нас числится в списке наиболее вероятных подозреваемых?

– Подозреваемых нет.

– Наверняка должен быть хоть кто-то.

– Но его нет. – Ула Ли смущенно кашлянул.

– Ты хочешь сказать, что ни у кого нет на этот счет никаких предположений? Ни у кого из наших наиболее усердных ищек, тех, что добровольно посещают самые злачные приюты Осло, считают делом своей чести ежедневное общение с отвратительнейшими отбросами общества? У тех, что в девяти из десяти случаев хоть краем уха слышали, кто вел машину, кто нес деньги, кто стоял на стреме, и вдруг – ни единой догадки?

– Догадки-то есть, – сказал Ула. – Они назвали мне шесть имен.

– Ну так выкладывай, старина.

– Я проверил всех. Трое из них сидят. Одного из оставшихся наш человек в момент ограбления видел на Плате¹¹. Другой сейчас в Патاية, в Таиланде, это я проверил. А еще одного все агенты назвали практически единогласно, поскольку он похож фигурой, да и само преступление совершено очень уж профессионально. Это некий Бьёрн Юхансен из твейтской группировки.

– И?..

У Улы был такой вид, словно в данный момент ему больше всего хотелось сползти со стула и спрятаться под столом.

– В пятницу в Уллеволской больнице ему сделали операцию по поводу auris alatae.

– Auris alatae?

– Лопухость, – простонал Харри, смахивая со лба капельку пота. – У Иварссона был такой вид, будто он вот-вот взорвется. Ну и сколько намотал?

– Только что миновал двадцать первый километр.

Голос Халворсена гулко отражался от стен тренажерного зала, расположенного в подвале Полицейского управления Осло. День еще только клонился к вечеру, и поэтому они здесь были почти единственными посетителями.

– Срезаешь ты, что ли?

Харри стиснул зубы и попытался быстрее жать на педали. Вокруг его велотренажера уже растеклась лужица пота, тогда как у Халворсена на лбу едва выступила испарина.

– Стало быть, пока у вас ни единой зацепки? – спросил Халворсен, пытаясь дышать спокойно и ровно.

– Да уж, если не считать того, что Беата Лённ сказала под конец.

– А что она сказала?

– Она работает сейчас с одной компьютерной программой, которая на основе кадров видеосъемки позволит ей получить трехмерное изображение головы и лица преступника.

¹¹ Пользующаяся дурной репутацией площадь в Осло.

– В маске?

– Эта программа использует ту информацию, которую ей удастся считать с пленки. Свет, тени, углубления, выпуклости. Чем плотнее маска прилегает к лицу преступника, тем более вероятно, что реконструированное изображение будет напоминать его внешность. В любом случае это будет лишь набросок, эскиз, однако Беата говорит, что сможет сравнить его с фотографиями подозреваемых.

– С помощью идентификационной программы ФБР? – Халворсен обернулся к Харри, с некоторым злорадством отметив, что пятно пота, ранее проступавшее у того на груди лишь возле логотипа «Jokke&Valentine», теперь растеклось по всей майке.

– Нет, у нее есть программа получше, – сказал Харри. – Сколько там у тебя?

– Двадцать два. И что это за программа?

– Fusiform gyrus¹².

– Майкрософт? Эппл?

Харри постучал согнутым пальцем по багровому лбу:

– Общечеловеческий программный продукт. Находится в височной доле мозга. Единственная функция – распознавать лица. Больше ничего не может. С помощью этого бита памяти мы различаем сотни тысяч человеческих лиц, однако едва ли отличим друг от друга дюжину носорогов.

– Носорогов?

Харри зажмурился, пытаясь сморгнуть заливающий глаза пот.

– Это всего лишь пример, Халворсен. Однако что касается Беаты Лённо, то тут случай особый. У нее в этой извилине имеется еще пара дополнительных завитков, благодаря которым она помнит практически все лица, которые когда-либо видела. Говоря «все», я имею в виду не только лица знакомых ей людей или тех, с кем ей приходилось перекинуться парой слов, но и физиономии, которые она мельком видела в толпе на улице лет пятнадцать назад, пусть даже наполовину скрытые темными очками.

– Заливаешь!

– Нисколько. – Харри опустил голову, дождался, пока восстановится дыхание, и продолжил: – Таких, как она, и пары сотен не наберется. Дидрик Гудмундсон рассказывал, что в Школе полиции ее заставили пройти соответствующий тест и она посрамила все существующие идентификационные программы. Эта девица – ходячая картотека лиц. Если она спрашивает тебя: «Где я могла видеть вас раньше?» – будь уверен, что с ее стороны это вовсе не банальная попытка завязать знакомство.

– С ума сойти! Что ж она в полиции-то делает? Я имею в виду, с таким талантом?

Харри пожал плечами:

– Ты, может, помнишь сотрудника, застреленного в восьмидесятые во время ограбления банка в Рюене?

– Это было еще до меня.

– Когда к нам поступило сообщение, он случайно оказался неподалеку и, поскольку первым прибыл на место, вошел в банк без оружия, чтобы начать переговоры. Грабители расстреляли его из автоматического оружия. Их так и не взяли. Позже в Школе полиции этот случай стали приводить в качестве примера, как *не надо* действовать, оказавшись на месте преступления.

– Следовало дожидаться подкрепления и не вступать в контакт с бандитами, чтобы не подвергать ненужной опасности ни себя, ни служащих банка, ни самих преступников.

– Точно, как по учебнику. Странно, но он был одним из лучших и самых опытных наших сотрудников. Йорген Лённо. Отец Беаты.

¹² Веретеновидная извилина (англ.).

– Вот как? Ты считаешь, она потому и пошла в полицию? Из-за отца?

– По-видимому.

– Она ничего?

– Деловая. Ты где уже?

– Проехал двадцать четвертый. Осталось еще шесть. А ты?

– Двадцать второй. Вероятно, скоро тебя достану.

– Только не в этот раз. – Халворсен заработал педалями с удвоенным рвением.

– Сейчас начнутся подъемы – вот тут-то я тебя и сделаю. Ты, как всегда, психологически сломаешься и встанешь.

– Не сегодня, – пообещал Халворсен и еще приналег.

У корней его густой шевелюры сверкнула капля пота. Харри усмехнулся и тоже приник к рулю.

Бьярне Мёллер смотрел попеременно то на список, которым снабдила его жена, то на магазинную полку, где, как ему казалось, лежал кориандр. После их поездки на Пхукет прошлой зимой Маргрете влюбилась в тайскую кухню, однако сам начальник убойного отдела все еще путался при выборе различных овощей, ежедневно доставляемых самолетом из Бангкока в продовольственный магазинчик на Грёнланнслейрет.

– Это зеленый чили, шеф, – раздался прямо у него над ухом чей-то голос.

Бьярне Мёллер резко обернулся и едва не уткнулся носом в мокрую, багрово-красную физиономию Харри.

– Пара этих штук, несколько ломтиков имбиря – и можно приготовить неплохой супчик «том ям». Правда, после него из ушей дым валит, зато пот выводит из организма всякую гадость.

– Судя по твоему виду, Харри, ты только что его отведал.

– Просто небольшой велопробег с Халворсеном.

– Вот как? А что это там у тебя в руке?

– Японе. Мелкий красный чили.

– Вот уж не знал, что ты умеешь готовить.

Харри с легким недоумением посмотрел на пакетик с чили, как будто видел его впервые.

– Между прочим, шеф, хорошо, что я тебя встретил. У нас проблема.

Мёллер почувствовал знакомый зуд у корней волос.

– Не знаю, кто там принимал решение о том, чтобы Иварссон возглавил следствие по убийству на Бугстадвейен, но так продолжаться не может.

Мёллер сунул список в корзину с продуктами.

– Сколько вы уже проработали с ним вместе? Целых два дня?

– Не в этом дело, шеф.

– Слушай, Харри, можешь ты хоть раз в кои-то веки заняться исключительно расследованием? А как все организовать – предоставь решать другим. Знаешь, ничего страшного не случится, если ты хотя бы попытаешься не вставать в оппозицию.

– Да я просто хочу поскорее раскрутить это дело, шеф. Чтобы снова заняться тем, другим, ну, ты знаешь.

– Знаю. Но ты возишься с ним уже больше обещанных мною шести месяцев, а я не могу и впредь закрывать глаза на использование времени и ресурсов исходя из личных чувств и отношений, Харри.

– Но ведь речь идет о нашей коллеге, сотруднице полиции.

– Я знаю! – рявкнул Мёллер. Немного помолчав, он огляделся по сторонам и, слегка сбавив тон, продолжил: – Так в чем проблема, Харри?

– Они привыкли работать исключительно с грабежами, и Иварссона не интересуют никакие конструктивные предложения.

Бьярне Мёллер слегка улыбнулся при мысли о «конструктивных предложениях» Харри. А тот, чуть наклонившись к нему, заговорил быстро и горячо:

– Когда происходит убийство, о чем мы прежде всего думаем, а, шеф? Почему, какой мотив, ведь так? В отделе грабежей и разбойных нападений принимают как данность, что мотивом были деньги, так что подобных вопросов вообще не возникает.

– Ну а сам ты что считаешь? Какой тут мотив?

– Ничего я не считаю, дело все в том, что они используют в корне неверную методику.

– Другую методику, Харри, дру-гу-ю. Ну ладно, мне давно уже следовало купить эти овощи и быть дома. Так что говори поскорее, чего ты хочешь.

– Хочу, чтобы ты с ними договорился: пусть дадут мне возможность с кем-нибудь еще отделиться и работать в автономном режиме.

– Выйти из состава следственной группы?

– Вести расследование параллельно.

– Харри...

– Так уже было, когда мы брали Красношейку, помнишь?

– Харри, я не могу вмешиваться...

– Я хочу взять Беату Лённ и вместе с ней начать все с нуля. Иварссон уже успел зайти в тупик и...

– Харри!

– Да?

– Назови истинную причину.

Харри решил немного сменить тактику:

– Мне не выдержать совместной работы с этим крокодилом.

– С Иварссоном?

– Чувствую, скоро таких дров наломаю...

Брови Бьярне Мёллера сошлись у переносицы и взметнулись вверх, образуя букву V.

– Это что, угроза?

Харри положил руку Мёллеру на плечо:

– Окажи мне эту услугу, шеф, одну-единственную. И я никогда тебя больше ни о чем не попрошу. Никогда!

Мёллер недовольно хмыкнул. Сколько раз за последние годы ему приходилось из-за Харри класть свою голову чуть ли не на плаху, вместо того чтобы послушаться мудрых советов старших коллег и строить собственную карьеру, дистанцировавшись от этого своего непредсказуемого опера! Коль скоро речь шла о Харри Холе, единственное, что можно было сказать о нем наверняка, так это то, что в один прекрасный день он наломает дров. Однако, поскольку они с Харри удивительным образом умудрялись выходить сухими из воды, никто в отношении их жестких мер не принимал. До сих пор. Между тем интереснее всего был вопрос: зачем он все это делает? Мёллер покосился на Харри. Алкаш. Скандалист. Порой невыносимый наглый упрямец. И при этом – его лучший опер, не считая Волера.

– Только держи себя в узде, Харри. Иначе, клянусь, снова засуну тебя за письменный стол и запру. Понятно?

– Есть, шеф.

– Завтра у меня встреча с начальником Управления и с шефом уголовки. Посмотрим. Но я тебе ничего не обещаю, слышишь?

– Пока, шеф. Привет супруге.

По пути к выходу Харри обернулся:

– Кориандр слева, в глубине, на нижней полке.

После его ухода Бьярне Мёллер долго стоял, уставившись в свою корзинку. Он наконец понял, зачем ему все это нужно. Просто этот скандальный и упрямый алкаш ему нравился.

Глава 7

Белый король

Кивнув кому-то из завсегдатаев, Харри уселся за столик у одного из узких кривоватых окон, выходящих на улицу Вальдемара Тране. В углу у него за спиной красовалась большая картина: прогуливающиеся по площади Янгсторгет мужчины, бодро взмахивая цилиндрами, приветствуют идущих им навстречу дам, которые пытаются укрыться от жгучих лучей солнца под кружевными зонтиками. Невозможно представить себе большего контраста с вечной полутьмой и благоговейной послеобеденной тишиной, царящими в зале «Шрёдера».

– Отлично, что тебе удалось вырваться, – сказал Харри, обращаясь к сидевшему за тем же столиком полноватому мужчине.

По нему сразу было видно, что он не относится к числу завсегдатаев заведения. Причина крылась не в элегантном твидовом пиджаке и даже не в галстук-бабочке в красную крапинку. Просто на пропахшей пивом и покрытой черными пятнами от сигаретных окурков скатерти перед ним стояла белая чашка с чаем. Этим случайным посетителем был психолог Столе Эуне, один из лучших специалистов в стране, к услугам которого полиция Осло прибегала часто и даже весьма охотно. Правда, с некоторой долей опасения, поскольку Эуне, будучи до мозга костей порядочным человеком, рьяно заботящимся о поддержании собственного реноме, никогда не позволял себе в суде никаких высказываний, если они не были на все сто процентов подтверждены научными доказательствами. А поскольку в психологии вообще существует не так уж много доказательств чего бы то ни было, нередко случалось, что он, будучи свидетелем обвинения, становился лучшим помощником защиты: посеянные его выступлением сомнения истолковывались в пользу обвиняемого. Расследуя разного рода убийства, Харри так часто обращался к помощи Эуне, что уже стал считать его чуть ли не своим коллегой. Да и в вопросе лечения собственного алкоголизма Харри столь же слепо доверялся этому умному, душевному, чуть фатоватому упрямцу, так что в скором времени даже мог начать называть его своим другом.

– Так вот, значит, где твое убежище? – сказал Эуне.

– Угу, – подтвердил Харри и приподнял бровь, подавая знак Майе, которая тут же выскочила из-за стойки и скрылась на кухне.

– А это у тебя что?

– Японе. Чили.

По переносице Харри скатилась капля пота, на мгновение застыла на кончике носа и упала на скатерть. Эуне с удивлением посмотрел на влажное пятно.

– Плохо восстанавливается теплообмен, – пояснил Харри. – Я только что с тренировки.

Эуне сморщился:

– Как медик я, пожалуй, должен был бы аплодировать, но как философ ставлю большой знак вопроса – стоит ли подвергать организм таким испытаниям?

На столе перед Харри возникли стальной кофейник и чашка.

– Спасибо, Майя.

– Чувство вины, – продолжал Эуне. – Некоторые пытаются справиться с ним, придумывая себе различные наказания. Как ты, Харри, когда срываешься. В твоём случае алкоголь – не способ уйти от действительности, а радикальный способ самонаказания.

– Спасибо, я и раньше слышал от тебя этот диагноз.

– Ты поэтому так усердствовал на тренировке? Угрызения совести?

Харри пожал плечами.

Эуне понизил голос:

– Ты что, так и продолжаешь думать об Эллен?

Харри быстро поднял глаза и встретился взглядом с Эуне. Он медленно поднес чашку с кофе ко рту, долго пил и наконец с досадливой гримасой отставил чашку в сторону.

– Нет, это не связано с делом Эллен. Там мы ни на шаг не продвинулись, но я убежден, вовсе не потому, что плохо сработали. Просто надо набраться терпения – рано или поздно что-нибудь обязательно появится.

– Хорошо, – сказал Эуне. – В том, что Эллен погибла, твоей вины нет. Твердо это запомни. И не забывай, все твои коллеги считают, что истинный ее убийца был пойман.

– Может, так. А может, и нет. Он мертв, так что спросить теперь не у кого.

– Не позволяй этому стать твоей идеей фикс, Харри. – Эуне сунул два пальца в кармашек своего твидового жилета, достал оттуда серебряные часы и бросил взгляд на циферблат. – Однако ты ведь едва ли хотел со мной поговорить о чувстве вины?

– Нет. – Харри вынул из кармана стопку фотографий. – Я хотел бы знать, что ты думаешь вот об этом.

Эуне взял снимки и начал просматривать.

– Похоже на ограбление банка. Не думал, что и это в компетенции убийного отдела.

– Посмотри на следующую фотографию – и получишь объяснение.

– Ну и что? Он указывает пальцем на камеру слежения.

– Извини, следующая.

– Ого! Неужели...

– Да. Вспышки почти не видно, это винтовка AG-3, но он только что выстрелил. Как видишь, пуля попала женщине точно в лоб. На следующей фотографии видно, как она выходит из затылка и застревает в деревянной панели рядом со стеклянным окошечком.

Эуне отложил снимки.

– Скажи на милость, Харри, почему вы вечно суετε мне под нос эти ужасы?

– Чтобы ты был в курсе, о чем идет речь. Взгляни на следующий снимок.

Эуне тяжело вздохнул.

– Преступник завладел деньгами, – продолжал Харри, показывая фотографию. – Теперь единственное, что ему остается, – сбежать. Он профессионал, спокойный, решительный; у него больше нет никаких причин запугивать кого-то или к чему-то принуждать. И тем не менее он на несколько секунд откладывает бегство ради того, чтобы пристрелить служащую банка. Только из-за того, что управляющий потратил лишние шесть секунд, доставая деньги из банкомата.

Ложечка в чашке чая, стоящей перед Эуне, медленно рисовала восьмерку.

– И теперь ты пытаешься догадаться, какой у него был мотив?

– Ну, мотив-то есть всегда, просто зачастую сложно бывает понять, по какую сторону здравого смысла следует его искать. Какие будут предположения?

– Серьезное расстройство психики.

– Но все прочие его действия в высшей степени рациональны.

– Расстройство психики вовсе не равнозначно глупости. Люди с подобного рода расстройством обладают не меньшей, а порой даже большей ловкостью в достижении своей цели, нежели мы, здоровые. Что их отличает от нас, так это сами цели.

– А как насчет наркотиков? Бывают такие, под воздействием которых нормальный человек становится настолько агрессивным, что в нем просыпается жажда убивать?

Эуне покачал головой:

– Действие стимулятора может лишь усилить или ослабить склонность, которая уже существует. Убивший спьяну свою жену, как правило, не раз об этом подумывал и на трезвую голову. Люди, совершающие преднамеренные убийства, как в нашем случае, почти наверняка имеют к этому устойчивую склонность.

– Так ты считаешь, что парень совсем свихнулся?

– Или же изначально запрограммирован на убийство.

– Изначально запрограммирован?

Эуне кивнул:

– Помнишь того грабителя, которого так и не удалось взять, – Расколя Баксхета?

Харри сделал отрицательный жест.

– Он цыган, – продолжал Эуне. – Несколько лет ходили слухи об этой поистине мистической фигуре. Считалось, что он мозговой центр, стоящий за всеми крупными ограблениями финансовых учреждений и инкассаторов в Осло в восьмидесятые годы. Прошло немало времени, прежде чем полиции удалось установить, что он действительно существует, но даже и тогда не сумели найти никаких улик против него.

– Теперь что-то припоминаю, – сказал Харри. – Однако его вроде бы все же поймали?

– Ошибаешься. Ближе всего к нему удалось подобраться, когда двое налетчиков пообещали свидетельствовать в суде против Расколя в обмен на смягчение наказания для них самих. Однако оба они внезапно исчезли при таинственных обстоятельствах.

– Ничего необычного, – заметил Харри, доставая пачку «кэмела».

– Необычно то, что они к этому времени сидели в тюрьме, – сказал Эуне.

Харри тихонько присвистнул:

– И все же мне кажется, он попал за решетку.

– Верно, – откликнулся Эуне. – Однако его не поймали. Он сдался сам. Как-то раз явился в приемную Полицейского управления Осло и заявил, что хочет признаться в совершении кучи давних ограблений. Естественно, начался дикий переполох. Никто ничего не понимал, а сам Расколь наотрез отказался объяснить, почему сдался. Прежде чем возбуждать дело, позвонили мне, чтобы я его освидетельствовал и проверил, не спятил ли он, – ведь в противном случае суд счел бы признание недействительным. Расколь согласился на беседу со мной с двумя условиями. Во-первых, мы должны были сыграть партию в шахматы – и не спрашивай меня, откуда ему стало известно, что я играю. А во-вторых, мне следовало принести французский перевод «Искусства войны» – древнего китайского трактата о военной тактике.

Эуне распечатал пачку сигарилл «Нобель пети».

– Книгу мне прислали из Парижа, и я захватил с собой шахматную доску. Меня отвели к нему в камеру. Человек, которого я там увидел, больше всего напоминал монаха. Он попросил у меня ручку и стал листать книгу, кивком дав понять, чтобы я готовился к игре и начинал. Я расставил фигуры и сделал первый ход, готовясь разыграть дебют Рети – при нем атака на противника начинается лишь после того, как твои фигуры займут все центральные позиции. Часто такое начало бывает весьма эффективно против игроков среднего уровня. По одному только первому ходу невозможно было угадать, что именно я задумал, однако этот цыган, оторвавшись от книги, скосил взгляд на доску, дернул себя за козлиную бороденку, посмотрел на меня, понимающе улыбнулся, сделал пометку в книге...

Язычок пламени, выплунутый серебряной зажигалкой, лизнул кончик сигариллы.

– ...и продолжил чтение. Я спросил: «А ты что, ходить не будешь?» Что-то небрежно черкая на полях книги моей ручкой, он ответил: «А зачем? Видишь, я записываю, как сложится эта партия, ход за ходом. Все кончится тем, что ты вынужден будешь положить своего короля». Я попытался было объяснить, что после одного-единственного хода он не может предугадать весь ход партии. «Пари?» – предложил он. Я попробовал отшутиться, но он настаивал. Тогда я согласился поставить сотню, втайне надеясь, что это расположит его к беседе со мной. Он потребовал положить сотенную купюру возле доски, чтобы он мог ее видеть. Затем он поднял руку, как будто собирался сделать ход, и тут события стали развиваться молниеносно.

– Шах и мат?

Эуне задумчиво улыбнулся и выпустил голубоватое колечко дыма, сразу же устремившееся вверх.

– В следующее мгновение я почувствовал, что зажат железной хваткой, голова запрокинута к потолку, а в ухо мне шепчут: «Чувствуешь лезвие моего ножа, гадзо?» Действительно, я ощущал тонкое, острое как бритва лезвие, упершееся мне в горло и едва не вспоровшее кожу. Тебе когда-нибудь доводилось переживать подобное, Харри?

Харри мысленно сверился с реестром подобных ситуаций, в которых ему приходилось оказываться, однако точного соответствия так и не нашел. Он покачал головой.

– Чувствуешь себя, как выражаются некоторые мои пациенты, будто рыба, выброшенная из воды. Я до того испугался, что чуть не обмочился. А он продолжал шептать мне в ухо: «Положи своего короля, Эуне». Хватка чуть ослабла, чтобы я сумел поднять руку и снести с доски свои фигуры. Затем, все так же неожиданно, он меня отпустил. Снова заняв свое место за столом, он подождал, пока я приду в себя и отдышусь. «Какого дьявола, что это было?» – простонал я. «Это было ограбление банка, – отвечал он. – Сперва спланированное, затем осуществленное». С этими словами он раскрыл книгу, где, по его словам, зафиксировал ход партии, и показал мне. Но там был записан только мой первый ход и слова: «Белый король сдался». Затем он спросил: «Ну что, Эуне, это дает ответ на все твои вопросы?»

– И что ты ему ответил?

– Ничего. Я позвал надзирателя, который дожидался за дверью. Однако, прежде чем он отпер камеру, я все же задал Расколю последний вопрос. Чувствовал, что свихнусь, ломая голову, если не получу на него ответ прямо здесь и сейчас. Я спросил: «Ты бы это сделал? Перерезал бы мне глотку, если бы я не смахнул своего короля? Ради того, чтобы выиграть идиотское пари?»

– И что же он ответил?

– Усмехнулся и спросил, знаю ли я, что такое предварительное программирование.

– Ну и?..

– Это все. Дверь открылась, и я ушел.

– А что он имел в виду под предварительным программированием?

Эуне отодвинул от себя чашку с чаем:

– Можно изначально запрограммировать свой мозг, чтобы он следовал определенной модели поведения. Мозг будет подавлять иные импульсы и, что бы ни случилось, соблюдать заранее определенные правила. Весьма полезная вещь в ситуациях, когда естественной реакцией мозга была бы паника. Например, когда парашют не раскрылся. Парашютист заранее программирует себя на совершение в этом случае определенных вынужденных действий.

– Или же поведение солдата в бою.

– Точно. Кстати, есть методы предварительного программирования, которые позволяют погрузить человека в столь глубокий транс, что даже самое радикальное внешнее воздействие не в состоянии из него вывести. Люди уподобляются живым роботам. Самое страшное, что достичь такого эффекта – заветной мечты любого генерала – необычайно просто, стоит лишь обладать нужной техникой.

– Ты это о гипнозе?

– Мне больше нравится называть это предварительным программированием – не так таинственно звучит. Все здесь сводится к разрешению и запрету на прием импульсов. Наиболее способные легко могут программировать самих себя – это называют самогипнозом. Коль скоро Расколь предварительно запрограммировал себя на убийство в случае, если я не положу своего короля, то он тем самым отрезал себе все пути к отступлению.

– Но он ведь все же тебя не убил.

– У всех программ существует своего рода кнопка отмены, некий пароль, разрушающий транс. В данном случае, вполне возможно, им был опрокинутый белый король.

– Мм. Впечатляет.

– Я вот к чему все это говорю...

– Кажется, я догадываюсь, – перебил его Харри. – Грабитель с фотографии мог запрограммировать себя на убийство в случае, если управляющий не уложится в срок.

– Правила предварительного программирования могут быть довольно просты, – сказал Эуне, гася свой окурок в чашке и накрывая ее блюдцем. – Чтобы погрузить себя в транс, достаточно создать некую малую, логически завершенную систему, закрытую для проникновения каких-либо мыслей извне.

Положив на стол рядом с кофейной чашкой пятидесятикроновую купюру, Харри поднялся. Эуне молча дождался, пока он соберет фотографии, и лишь затем спросил:

– Сознайся, ведь ты ни на йоту не веришь в то, что я здесь тебе наплел, а?

– Абсолютно.

Эуне тоже встал и застегнул пиджак.

– Во что ты вообще веришь?

– В то, чему меня учит личный опыт, – ответил Харри. – В своей массе обычные бандиты по меньшей мере отнюдь не умнее меня – они выбирают наиболее простые решения, да и мотивы у них, как правило, незамысловатые. Короче говоря, на поверку все оказывается точно таким, каким кажется на первый взгляд. Готов поспорить, что этот наш налетчик либо наширился до одури, либо отчаянно запаниковал. То, что он сделал, чертовски глупо, из чего я делаю вывод, что он к тому же еще и туп. Взять, к примеру, этого цыгана, которого ты, очевидно, считаешь изрядным ловкачом. Сколько лет к своему сроку он получил за то, что напал на тебя с ножом?

– Нисколько, – сардонически усмехнувшись, ответил Эуне.

– Как это?

– Никакого ножа не нашли.

– Мне казалось, ты говорил, что вы сидели с ним одни в запертой камере.

– Представь себе следующую ситуацию. Ты лежишь на пляже на животе и загораешь. Тут к тебе подходят приятели и говорят, чтобы ты не вздумал шевелиться – у тебя над спиной один из них держит совок с раскаленными углями. Вдруг ты слышишь, как кто-то из них ойкает, и в следующий момент чувствуешь, как на спину падают угольки и нещадно ее жгут. Приходилось тебе сталкиваться с чем-нибудь подобным?

В сознании Харри – до обидного быстро – промелькнули все картины его летних отпусков.

– Нет.

– В результате оказывается, что тебя разыграли и это всего лишь кусочки льда...

– Ну и что?

Эуне вздохнул:

– Порой мне очень бы хотелось знать, Харри, где же все-таки ты провел те тридцать пять лет, которые, как ты утверждаешь, прошли с момента твоего рождения.

Харри устало провел рукой по лицу:

– О'кей, так в чем суть-то, Эуне?

– В том, что опытный манипулятор может заставить тебя принять край сотенной купюры за лезвие ножа.

Глядя Харри прямо в глаза, блондинка пообещала солнечную погоду и легкую облачность ближе ко второй половине дня. Харри нажал кнопку, и картинка свернулась, превратившись в крохотную светящуюся точку в центре 14-дюймового экрана. Однако стоило ему только зажмуриться, как в сознании вспыхнуло изображение Стине Гретте в сопровождении эха слов репортера: «...в деле по-прежнему нет подозреваемых».

Харри снова открыл глаза и посмотрел на потухший экран, в котором отражалась комната. Он сам, старое зеленое кресло с высокой спинкой из «Лифта»¹³ и пустой журнальный столик, украшенный кругами от донышек стаканов и бутылок. Все как всегда. Маленький телевизор стоял на полке между «Одинокой планетой: книгой о Таиланде» и стареньким «Атласом дорог», изданным еще Норвежским союзом предпринимателей, с тех самых пор как Харри здесь поселился. Несмотря на свой статус переносного, телевизор за последние семь лет не сдвинулся с места ни на метр. Харри довелось как-то читать о семилетнем синдроме: примерно через семь лет люди начинают стремиться переехать на новое место. Или поменять работу. Или спутника жизни. По себе он этого не замечал. Работа у него была все та же вот уже скоро десять лет. Харри посмотрел на часы. Анна сказала – в восемь.

Что же касается спутницы жизни, тут он никогда не заходил так далеко, чтобы иметь возможность убедиться в правильности данной теории. За исключением двух случаев, все его романы ограничивались тем, что сам Харри называл «шестинедельным утолением зуда». В чем крылась причина, он и сам не знал. Может, в том, что эти два исключения, когда он влюблялся по-настоящему, завершились трагически. А может, виноваты были две самые устойчивые его привязанности – страсть к расследованию убийств и тяга к алкоголю. Во всяком случае, еще до того, как год назад он повстречал Ракель, Харри и сам уже мало-помалу стал склоняться к мысли, что не создан для длительных отношений. Ему вдруг вспомнилась спальня в доме Ракели в Хольменколлене – просторная, прохладная. Многозначительные взгляды и недомолвки за завтраком. Рисунок Олега на дверце холодильника: три фигурки, держащие друг друга за руки. Под одной из них – высокой, головой чуть ли не вровень с желтым солнцем, сияющим на безоблачном небе, – коряво нацарапано «Хари».

Харри поднялся с кресла, взял лежавший рядом с автоответчиком листок и решительно набрал номер на мобильнике. После четырех гудков на другом конце линии сняли трубку.

– Привет, Харри.

– Привет. Как ты догадалась, что это я?

Низкий приглушенный смехок:

– Ты где был все последние годы, а, Харри?

– Ну, здесь... там... а что? Неужели опять дурака сваял?

Она засмеялась на этот раз чуть громче.

– Ах да, ведь мой номер высветился у тебя на дисплее. И вправду идиот. – Харри чувствовал, что все это действительно звучит по-дурацки. Ничего, ему бы только суметь сказать то, ради чего он звонит, а там недолго и трубку бросить. Ну, раз, два, три – пора решаться. – Знаешь ли, Анна, по поводу этой нашей договоренности на сегодняшний вечер...

– Харри, не будь ребенком!

– Ребенком?

– Я тут такое карри готовлю, пальчики оближешь! Если боишься, что я буду тебя соблазнять, то должна разочаровать. Я рассчитываю пообедать, ну и поболтать потом пару часиков. Попробуем разобраться в двух-трех случаях недопонимания, оставшихся с тех пор, как мы виделись в последний раз. А может, и этого не будет. Просто посидим, посмеемся. Японе-чили, помнишь?

– А как же, конечно.

– Вот и прекрасно! Ровно в восемь, о'кей?

– Ну, я...

– Отлично.

Она положила трубку. Харри еще некоторое время рассматривал потухший экран мобильного.

¹³ Сеть дешевых магазинов в Осло.

Глава 8

Джелалабад

– Скоро я тебя убью, – сказал Харри, еще сильнее стискивая холодную сталь винтовки. – Мне хочется, чтобы тебе это было заранее известно. Подумай-ка над этим. А ну, раскрой рот!

Все окружавшие его были восковыми куклами. Неподвижными, бездушными, лишенными каких бы то ни было человеческих черт. Харри чувствовал, что его лицо под маской покрыто потом. Кровь стучала в висках, каждый удар отзывался тупой болью. Он не решался осмотреться, боясь встретить чей-либо осуждающий взгляд.

– Суй деньги в мешок, – приказал он безликому существу напротив. – А сам мешок клади себе на голову.

Безликий рассмеялся, Харри повернул свою винтовку и попытался ударить его прикладом в голову, но промахнулся. Все прочие находящиеся в помещении, тоже начали смеяться. Харри наконец решился и оглядел их сквозь неровные прорезы маски. Оказывается, он всех их знал. Девушка в соседнем окошке похожа на Биргитту. Чернокожий у автомата с талонами на очередь – Харри мог бы в этом поклясться – вылитый Эндрю. А седая дама с детской коляской...

– Мама? – едва слышно шепнул он.

– Так ты берешь деньги или нет? – спросил безликий. – Осталось двадцать пять секунд.

– Сколько осталось времени, здесь решаю я! – рявкнул Харри, снова всаживая ствол винтовки в черный провал рта безликого. – Я так и знал, что это ты. Готовься, через шесть секунд ты умрешь. Так бойся же!

Изо рта безликого на тоненькой ниточке свисал выбитый зуб, обильно текла кровь. Но отвечал он, словно не замечая этого:

– Мне представляется абсолютно недопустимым распоряжаться временем и средствами исходя исключительно из личностных соображений.

Где-то упорно продолжал звонить телефон.

– Ну же, испугайся! Бойся, черт возьми, так, как боялась она!

– Осторожно, Харри, не позволяй этому стать твоей идеей фикс. – Харри почувствовал, как челюсти безликого плющат ствол винтовки.

– Она ведь была моим партнером, напарницей! Слышишь ты, сволочь! Моим лучшим...

Маска заклепывала Харри рот, мешала дышать. А безликий, несмотря на торчащий во рту ствол винтовки, как ни в чем не бывало продолжал молотить чепуху:

– Взял и откосил.

– ...другом.

Харри до отказа вдавил спусковой крючок. Ничего не произошло. Он открыл глаза.

Первой мыслью Харри было, что он на мгновение отключился. Он сидел все в том же зеленом кресле с высокой спинкой, уставившись в потухший телеэкран. Вот только одежда. Он был с головой укрыт плащом. Даже во рту чувствовался неприятный привкус мокрой ткани. Да и комнату теперь заливал яркий дневной свет. Удары кувалды. С безжалостной точностью они раз за разом попадали в некий нерв, расположенный за глазным яблоком, отдаваясь в нем неправдоподобно острой и в то же время привычной болью. Он попытался напрячься и вспомнить. Завис у «Шрёдера»? Начал пить у Анны? Однако, как он и боялся, в памяти зиял провал. Он еще помнил, как после телефонного разговора с Анной присел здесь, в комнате. Далее – пустота. В этот момент остро напомнило о себе содержимое желудка. Харри успел перегнуться через подлокотник кресла, и его вырвало прямо на паркет. Со стоном прикрыв глаза, он попытался отогнать от себя настойчивые звонки телефона. Когда включился автоответчик, Харри уже снова крепко спал.

Время мелькало короткими отрезками, как будто кто-то разрезал его ножницами на мелкие кусочки и ронял их с неравными промежутками. Вновь проснувшись, Харри не стал торопиться открывать глаза. Сначала он попытался прислушаться к своему состоянию, тщетно надеясь найти какие-нибудь перемены к лучшему. Удары молота рассредоточились по несколько большей площади, в комнате воняло рвотой, он точно знал, что больше заснуть ему не удастся. Вот, пожалуй, и все изменения. Досчитав до трех, он поднялся, проковылял восемь шагов, отделявших кресло от ванной, и снова опорожнил желудок. Крепко держась за бачок унитаза, он дождался, пока восстановится дыхание, с удивлением разглядывая собственную блевотину: в желтой однородной массе, стекавшей в унитаз, видны были микроскопические красные и зеленые комочки. Зацепив красный комочек большим и указательным пальцами, он промыл его под краном и поднес поближе к свету. Затем осторожно положил в рот и разжевал. Ощувив жгучий вкус япон-чили, скривился. Тщательно вымыл лицо и выпрямился. Физиономию, смотревшую на него из зеркала, украшал чудовищных размеров синяк. Когда он включил автоответчик, свет, заливающий комнату, неприятно резанул по глазам.

«Это Беата Лённ. Надеюсь, не помешала, но Иварссон велел мне немедленно всех обзвонить. Произошло еще одно ограбление. Отделение Норвежского банка, расположенное между Фрогнер-парком и Майорстуакрюссет».

Глава 9

Туман

Солнце скрылось за низкими серовато-стальными облаками, наплзающими со стороны Осло-фьорда под неистовыми порывами южного ветра – явной увертюрой к приближающемуся дождю. Каждый шквал сопровождался неистовым свистом водосточных желобов и оглушительными хлопками маркиз на Киркевейен. Деревья стояли совершенно голые; Осло являл собой сплошную черно-белую картину – как будто кто-то высосал из города все краски. Придерживая полы плаща руками, засунутыми глубоко в карманы, и упрямо пригнув голову, Харри шагнул навстречу ветру. Он уже успел отметить, что последняя оставшаяся пуговица где-то потерялась – вероятно, еще накануне вечером или ночью. Причем эта потеря была вовсе не единственной. Собравшись позвонить Анне, чтобы та помогла восстановить картину минувшего вечера, он обнаружил, что исчез также и мобильник. Когда же он наконец додумался перезвонить ей с обычного аппарата, голос в трубке, смутно напомнивший Харри голос кого-то из телеведущих прежних лет, поведал, что вызываемый им абонент в настоящее время недоступен, однако он может оставить свой номер или же сообщение. От последнего он, впрочем, воздержался.

Он относительно быстро пришел в себя и на удивление легко справился с желанием продолжить где-нибудь в «Винмонополе» или у «Шрёдера». Вместо этого он принял душ, оделся и зашагал по Софиес-гате мимо стадиона «Бишлет», миновал Пилестреде, Стенспаркен и вышел на Майорстуа. На ходу он пытался понять, что же такое онпил накануне. Вместо болезненных спазмов желудка – явных признаков употребления «Джима Бима» – все органы чувств, казалось, окутала густая пелена липкого тумана, развеять который, как выяснилось, не могли даже самые резкие порывы свежего ветра.

У отделения Норвежского банка стояли две полицейские машины с включенными синими мигалками. Харри продемонстрировал свое удостоверение одному из одетых в форму патрульных в оцеплении, нырнул под натянутую ленту и направился к входу в банк, где Вебер беседовал с кем-то из своих сотрудников из криминалистической лаборатории.

– А, старший инспектор, добрый вечер, – поздоровался Вебер, делая особое ударение на слове «вечер». При виде синяка, украсившего физиономию Харри, он вскинул бровь: – Что, жена дерется?

Не найдясь сразу, что ответить, Харри щелчком извлек из пачки сигарету:

– Ну и что у нас здесь?

– Парень в маске с винтовкой AG-3.

– Естественно, птишка упорхнула?

– Преспокойно.

– Свидетелей кто-нибудь опросил?

– Ли и Ли в Управлении как раз заняты этим.

– Какие-нибудь детали самого ограбления?

– Налетчик дал женщине-управляющей двадцать пять секунд на то, чтобы открыть банкомат, а сам в это время приставил винтовку к голове одной из служащих.

– И заставил ее говорить вместо себя?

– Угу. А когда ворвался в банк, молот все ту же чушь по-английски.

– This is a robbery, don't move! – прозвучало у них за спиной в сопровождении короткого отрывистого смешка. – Право, весьма любезно, что ты все же сумел выбраться, Холе. Ох, неужели в ванной поскользнулся?

Харри одной рукой поднес зажигалку к своей сигарете и прикурил, а другой одновременно протянул пачку Иварссону. Тот покачал головой:

– Дурная привычка, Холе.

– Верно, – откликнулся Харри, пряча пачку «кэмела» во внутренний карман. – Никогда не предлагай свои сигареты джентльмену – исходи из того, что он курит собственные. Бенджамин Франклин.

– Правда? – Иварссон старательно делал вид, что не замечает ухмылку Вебера. – Успел поднабраться, а, Холе? Ну теперь-то тебе ясно, что наш грабитель нанес новый удар – в точности как мы и предполагали?

– И откуда ты взял, что это именно он?

– Полагаю, ты видишь, что это точная копия ограбления банка «Нордеа» на Бугстад-вейен?

– Разве? – Харри глубоко затаился. – В чем же сходство?

На мгновение взгляды Иварссона и Харри скрестились. Сверкнул крокодилий оскал.

– Управляющая оказалась расторопной, – вмешался Вебер. – Ухитрилась опорожнить банкомат за двадцать секунд.

– Так что никаких жертв, никаких убийств, – подхватил Иварссон. – Что, разочарован?

– Нет, – ответил Харри, выпуская сигаретный дым из ноздрей.

Порыв ветра тут же развеял его, не оставив и следа. Туман в голове, однако, рассеиваться не собирался.

Услышав, что кто-то вошел, Халворсен отвлекся от «Сильвии».

– Высокооктановый эспрессо, пронто, – буркнул Харри, плюхаясь в кресло.

– С добрым утром, босс, – откликнулся Халворсен. – Паршиво выглядишь.

Харри уткнулся лицом в ладони:

– Ни черта не помню, что было вчера вечером. Не знаю, что именно я пил, но клянусь, никогда больше этой дряни в рот не возьму.

Посмотрев на коллегу в щелку между пальцами, он увидел, что тот всерьез озабочен – лоб прочертила глубокая морщина.

– Да расслабься ты, Халворсен, это всего лишь несчастный случай. Сейчас я трезв как стеклышко.

– Так что все же случилось?

– Судя по содержимому желудка, я пообедал со старым приятелем. Несколько раз звонил, чтобы получить подтверждение, но она не отвечает.

– Она?

– Да. Она.

– Может, жестокие полицейские игры? – осторожно поинтересовался Халворсен.

– Займись-ка лучше кофе, – хмуро посоветовал Харри. – Просто старая пассия. Все было абсолютно невинно.

– Откуда ты знаешь, ведь ты же ничего не помнишь?

Харри пощупал небритый подбородок. Вспомнилось, как некогда Анна говорила, что умела лишь служить катализатором тех пристрастий, которые уже имеются. Не очень-то это успокаивало. В памяти понемногу начали всплывать отдельные детали. Черное платье. На Анне было черное платье. Он лежит на лестнице. Какая-то женщина помогает ему подняться. У нее лишь половина лица. Как на одном из портретов Анны.

– У меня часто бывают провалы в памяти, – сказал Харри. – Это еще не худший вариант.

– А с глазом что?

– Наверняка стукнулся о кухонную полку, когда вернулся домой, или что-то в этом роде.

– Не хотелось бы тебя расстраивать, Харри, но это выглядит посерьезнее, чем какая-то кухонная полка.

– А что, – сказал Харри, обеими руками принимая чашку кофе, – разве я выгляжу расстроенным? В пьяном виде я дерусь только с теми, кто мне и по трезвяку не нравится.

– Кстати, Мёллер просил тебе передать, что, похоже, все образуется, вот только не сказал, что именно.

Харри сделал глоток эспрессо, несколько мгновений подержал кофе во рту и лишь затем проглотил.

– Ладно, Халворсен, успокойся, не бери в голову.

Новое ограбление подверглось детальному разбору на совещании следственной группы, которое состоялось тем же вечером в здании Полицейского управления Осло. Дидрик Гудмундсон доложил, что с момента, когда сработала сигнализация, до прибытия полиции прошло три минуты, однако налетчик уже успел покинуть место преступления. Немедленно было образовано внутреннее кольцо оцепления – патрульные автомобили перекрыли все близлежащие улицы. Вслед за этим в течение десяти минут было организовано и внешнее кольцо – перекрыты важнейшие транспортные магистрали: шоссе Е-18 у Форнебю, третье кольцо близ Уллевола, Тронхеймсвейен возле Акерской больницы, Гринивейен вблизи Рюа и перекресток на площади Карла Бернера.

– Мне бы хотелось назвать это кольцо железным, однако все вы знаете, как на сегодня у нас обстоят дела с личным составом.

Один из свидетелей, допрошенных Туриль Ли, показал, что мужчина в шапочке садился на пассажирское сиденье белого «опеля аскон», стоявшего с включенным двигателем на Майорстуавейен. Автомобиль свернул налево на Якоб-Ольс-гате. Магнус Риан доложил, что еще один свидетель видел, как белый автомобиль – возможно, «опель» – въехал в гараж на Виндере, а вслед за этим оттуда выехал синий «вольво». Иварссон посмотрел на карту, висящую на штативе поверх отрывных листов.

– А почему бы и нет? Ула, объяви-ка в розыск еще и синий «вольво».

– Есть три волокна ткани, – сказал Вебер. – Два со стойки, там, где он через нее перескочил, и одно с двери.

– Йесс!

Сжав кулак, Иварссон сделал характерный энергичный жест. В продолжение всех докладов он расхаживал вокруг стола за спинами собравшихся, чем жутко раздражал Харри.

– Теперь нам осталось только подыскать кандидатуры. Как только Беата закончит редактировать видеозапись ограбления, сразу же поместим ее в Интернет.

– Думаешь, это хорошая мысль? – с сомнением в голосе поинтересовался Харри и отодвинул свой стул к стене, перегородив Иварссону дорогу.

Начальник отдела удивленно посмотрел на него:

– Хорошая – не хорошая. Ничего не имею против, если кто-то сообщит нам, что узнал человека на видео.

– А помните, – вмешался Ула, – ту мамашу, что позвонила и заявила, будто узнала своего сына на пленке с записью ограбления, сброшенной нами в Интернет? А потом выяснилось, что он уже давно сидит за другое ограбление.

Взрыв хохота. Иварссон тоже улыбнулся.

– И тем не менее мы никогда не говорим «нет» ни одному новому свидетелю, Холе.

– И ни одному имитатору? – Харри закинул руки за голову и прогнулся.

– Имитатору? Да брось ты, Холе.

– Почему же? Задумай я когда-нибудь взять банк, уж постарался бы в точности скопировать манеру самого знаменитого налетчика страны, чтобы перевести все стрелки на него. А ведь все детали ограбления на Бугстадвейен были доступны через Интернет.

Иварссон покачал головой:

– Боюсь, Холе, что в реальном мире обычный грабитель вовсе не такая утонченная натура. Может, кто-нибудь желает объяснить убойному отделу, что именно наиболее типично для всех серийных грабителей? Нет? Ну что же. Они всегда – и при этом с болезненной пунктуальностью – повторяют те же самые действия, что и во время своей предыдущей удавшейся попытки. Лишь если что-то срывается – то есть либо грабителю не удастся получить деньги, либо его задерживают, – он наконец решается сменить свой обычный почерк.

– Что отчасти подтверждает твою точку зрения, однако отнюдь не опровергает мою, – подхватил Харри.

Иварссон обвел глазами всех сидящих за столом, будто прося о помощи.

– Ну ладно, Холе. Ты получишь шанс лично проверить все свои теории. Я как раз принял решение об апробации новой рабочей методики. В соответствии с ней создается самостоятельное подразделение, работающее параллельно с основной следственной группой, но при этом независимо от нее. Эту идею я позаимствовал у ФБР. Главная мысль ее в том, чтобы избежать одностороннего подхода к делу, что зачастую наблюдается в больших следственных бригадах, где сознательно – или бессознательно – исповедуются достаточно шаблонные методы работы. Такая группа может внести новую, свежую струю, ибо работает в автономном режиме, независимо от остальной части бригады. Данная методика показала себя эффективной при расследовании особо сложных дел. Думаю, большинство согласится со мной, что Харри Холе обладает достаточной квалификацией, чтобы войти в подобное подразделение.

Послышались тихие смешки. Иварссон остановился за спиной у Беаты:

– Беата, ты составишь Холе компанию.

Беата покраснела. Иварссон по-отечески положил ладонь ей на плечо:

– Если что-то не будет складываться, ты всегда сможешь отказаться.

– Я тогда сам откажусь, – пообещал Харри.

Харри уже вроде бы начал отпирать подъезд, как вдруг внезапно передумал и решительным шагом преодолел те десять метров, что отделяли парадное от крохотного продуктового магазинчика, куда Али как раз убирал стоявшие на тротуаре ящики с овощами и фруктами.

– Привет, Харри! Ну как форма, лучше?

Али оскалился во весь рот, и Харри на мгновение даже зажмурился. Стало быть, его опасения были не напрасны.

– Так ты что, Али, помогал мне?

– Только подняться по лестнице до квартиры. Когда нам наконец удалось отпереть дверь, ты сказал, что дальше справишься сам.

– А как я сюда добрался? Пешком или...

– На такси. Между прочим, ты должен мне сто двадцать крон.

Харри застонал и вслед за Али вошел внутрь его заведения.

– Мне очень жаль, Али, ей-богу. Будь добр, расскажи покороче, пропуская мучительные подробности.

– Вы с водителем стояли посреди улицы и скандалили. А у нас спальня как раз сюда выходит. – Его физиономия снова расплылась в улыбке. – Какой урод придумал спальни с окнами на улицу?

– И когда это было?

– Ночью.

– Али, ты встаешь в пять утра, так что непонятно, что ты имеешь в виду, говоря «ночью».

– Самое раннее, в половине двенадцатого.

Слушая, как Харри сбивчиво обещает, что такое больше не повторится, Али кивал головой чуть не на каждое слово с видом человека, знающего все это практически наизусть. Харри выразил желание отблагодарить Али за хлопоты, и тот ответил, что Харри мог бы уступить

ему свой пустой чулан в подвале. Пообещав еще раз хорошенько обдумать этот вопрос, Харри отдал Али долг за такси, а также расплатился за прихваченные в магазинчике бутылку колы и пакетик с макаронами и фрикадельками.

– Ну вот, теперь мы в расчете, – сказал Харри, отсчитав деньги.

Али покачал головой:

– Коллективный взнос за три месяца, – потребовал этот управдом, бухгалтер и ремонтник в одном лице.

– О черт, совсем забыл!

– Эриксен, – улыбнулся еще шире Али.

– А это еще кто?

– Летом я получил письмо от некоего Эриксена. Он просил выслать номера счетов, на которые он мог бы перечислить свою часть коллективных взносов за май и июнь семьдесят второго года. Считает, что именно это мешает ему спокойно спать последние тридцать лет. Я ответил, что сейчас в нашем доме не осталось никого, кто бы его помнил, так что он вполне может забыть об этом долге. – С этими словами Али направил на Харри свой указующий перст. – Однако к тебе это вовсе не относится.

Харри клятвенно поднял правую руку:

– Обещаю, завтра же оплачу квитанцию.

Поднявшись к себе, Харри первым делом снова набрал номер Анны. Снова тот же женский голос автоответчика. Однако как раз в тот момент, когда он выложил содержимое принесенного с собой пакета на шипящую сковороду, телефон зазвонил. Метнувшись в прихожую, он схватил трубку.

– Аллю! – едва не крикнул он.

– Привет! – В хорошо знакомом ему женском голосе на том конце линии звучали нотки удивления.

– А, это ты.

– Ну да, а ты думал кто?

Харри с досадой зажмурился.

– Да так, один коллега. У нас тут новое ограбление.

Каждое слово оставляло во рту жгучую горечь разлившейся желчи пополам с чили. Снова вернулась глухая пульсирующая головная боль.

– Я пыталась звонить тебе на мобильный, – сказала Ракель.

– Я его потерял.

– Потерял?

– Где-то оставил или украли, не знаю, Ракель.

– Харри, у тебя что-то не так?

– Не так?

– Я по голосу слышу, ты как-то... возбужден.

– Видишь ли, я...

– Да?

Харри тяжело вздохнул.

– Ладно, а как там у вас? Дело продвигается?

До Харри доходил смысл отдельных слов, однако он никак не мог сложить их в связные предложения. Из всех этих «экономическое положение», «благо ребенка» и «компромиссное предложение» он понял только, что никаких особых новостей нет, следующее судебное заседание назначено на пятницу, у Олега все в порядке, но ему надоело жить в гостинице.

– Скажи ему, что я вас очень жду, – попросил Харри.

Положив трубку, Харри некоторое время стоял над телефоном, размышляя, не перезвонить ли ей прямо сейчас. Но для чего? Чтобы рассказать, что он поужинал со своей старой пас-

сией и не знает, что именно произошло потом? Харри уже потянулся было к телефону, однако в этот момент на кухне взвыла пожарная сигнализация. Едва он успел сдернуть с плиты дымящуюся сковородку с горящими остатками еды и открыть окно, как телефон зазвонил снова. Позже Харри не раз думал, что все могло сложиться по-другому, не приди в голову Бьярне Мёллеру позвонить тем вечером именно ему.

– Я знаю, ты только что с дежурства, – сказал Мёллер. – Но у нас не хватает людей. Женщина найдена мертвой в своей квартире. Похоже, застрелилась. Может, прогуляешься туда?

– Ясно, шеф, – сказал Харри. – Тем более что я тебе должен. Иварссон, между прочим, выдал создание параллельной следственной группы за собственную идею.

– А ты бы на его месте что сделал, если бы был начальником и получил подобное предписание извне?

– Знаешь, шеф, пытаться представить меня начальником – все равно что стараться лбом стену прошибить. Ладно, а как мне попасть в эту квартиру?

– Сиди дома, за тобой заедут.

Через двадцать минут раздался звонок в дверь; звук этот Харри слышал настолько редко, что чуть не подпрыгнул от неожиданности. Голос, возвестивший, что такси подано, разумеется, был изрядно искажен домофоном, однако показался Харри знакомым. Он почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. Спустившись на улицу и увидев припаркованный у подъезда приземистый красный спортивный автомобиль – «тойоту MR2», – он понял, что его опасения не напрасны.

– Добрый вечер, Холе.

Голос донесся из открытого окна машины, расположенного, однако, настолько низко – у самого асфальта, – что Харри не мог видеть говорившего. Когда Харри открыл дверцу, его приветствовал знакомый визгливый фальцет, орущий «You sexy motherfucka!»¹⁴ в сопровождении столь мощных басов и органного синтезатора, что их рев заставил в первый момент отшатнуться, как от брошенной в лицо пригоршни леденцов.

С немалым трудом Харри разместился на тесном пассажирском сиденье – поистине место смертника!

– Выходит, сегодня вечером мы вдвоем, – заметил старший инспектор Том Волер.

Его выступающая вперед тевтонская нижняя челюсть чуть опустилась, обнажая ряд безупречных белоснежных зубов, выделяющихся на фоне загорелого лица. Прозрачные голубые глаза между тем по-прежнему оставались холодными. Многие в Управлении недолюбливали Харри, однако, насколько ему самому это было известно, по-настоящему ненавидел его лишь один человек. Харри знал, что в глазах Волера он самый недостойный представитель полицейского корпуса и, следовательно, своего рода личное оскорбление для Тома. При самых разных обстоятельствах Харри давал понять, что не разделяет окрашенное в коричневатые тона отношение Волера и некоторых прочих своих коллег к гомикам, коммунистам, инвалидам-симулянтам, к разным там иммигрантам – пакистанцам, желтомордым, ниггерам, цыганам и «даго», а Волер, в свою очередь, величал Харри «спившимся рок-журналистом». Харри подозревал, что истинная причина ненависти кроется в его пристрастии к выпивке. Том Волер не выносил слабостей. Именно поэтому, по мнению Харри, он проводил столько часов в тренажерном зале, лупя ногами и руками мешки с песком и все новых и новых спарринг-партнеров. Однажды в столовой Харри слышал, как один из молодых инспекторов с восторгом вещал, как Волер сломал обе руки вьетнамцу-каратисту из молодежной банды в районе Осло-С. Учитывая взгляды Волера на цвет кожи, Харри казалось парадоксом, что этот его коллега может часами не вылезать из солярия. Вероятно, стоило прислушаться к тому, что утверждали умудренные

¹⁴ Песня в исполнении Принца.

опытом коллеги: на самом-то деле Волер вовсе не был расистом. И неонацистов, и черномазых он избивал с равным удовольствием.

Кроме того, что знали все, было то, о чем никто толком не знал, однако некоторые догадывались. Нечто связанное с тем, что более года назад Сверре Ульсен – единственный, кто мог рассказать, почему убили Эллен Йельтен, – был найден в своей кровати с разряженным пистолетом в руке и пулей Волера между глаз.

– Поосторожней, Волер.

– Что-что?

Харри протянул руку и убавил звук любовных стенаний.

– Сегодня скользко.

Мотор продолжал стучать ровно, как швейная машинка, однако звук был обманчив: Харри почувствовал, как ускорение вдавливают его в жесткую спинку сиденья. Миновав Стенс-парк, они помчались в сторону Суумс-гате.

– Куда мы? – спросил Харри.

– Сюда, – отозвался Волер, резко поворачивая налево прямо перед капотом встречной машины.

Сквозь открытое окно Харри услышал шелест покрывающих по мокрой листве, которой был усыпан асфальт.

– С возвращением в убойный отдел, – сказал Харри. – А что же, в Службе внутренней безопасности не прижился?

– Структурные изменения, – ответил Волер. – Кроме того, начальник уголовной полиции и Мёллер настояли на моем возвращении. В убойном я добивался неплохих результатов, если еще помнишь.

– Как я могу забыть?

– Ну не знаю, столько приходится слышать о долговременном эффекте обильных возлияний...

Если бы Харри не успел упереться рукой в приборную панель, резкое торможение швырнуло бы его лицом на ветровое стекло. Бардачок распахнулся, и что-то тяжелое упало на пол, предварительно стукнув Харри по колену.

– Какого черта, что это? – вскрикнул он.

– «Иерихон-941», израильский пистолет-пулемет, – как ни в чем не бывало пояснил Волер, выключая мотор. – Не заряжен. Пусть себе валяется. Мы приехали.

– Здесь? – удивленно спросил Харри, пригибаясь, чтобы лучше рассмотреть желтый дворик, возле которого они остановились.

– А в чем дело? – поинтересовался Волер, успевший уже наполовину вылезти из машины.

Харри ощутил, что сердце его забилось сильнее и чаще. Пока он пытался отыскать дверную ручку, в голове пронесся вихрь мыслей, из которых задержалась лишь одна: все-таки надо было тогда взять трубку и перезвонить Ракели.

Туман вернулся. Он сочился внутрь с улицы, проникая из-за деревьев в щели окон, врываясь вслед за ними во входную дверь, распахнувшуюся сразу же после того, как Вебер что-то рявкнул в домофон. Туман преследовал их по пятам на лестнице, попадая сюда из замочных скважин соседских квартир. Он окутывал Харри как ватное одеяло, и когда они наконец вошли в квартиру, Харри стало казаться, что он идет будто в облаке. Все вокруг – люди, голоса, потрескивающие рации, синие вспышки блицев – было окружено каким-то фантастическим ореолом и не имело значения, поскольку на самом деле не было – просто не могло быть – реальностью. А когда они оказались перед кроватью покойной, лежащей с пистолетом в правой руке и дыркой в виске, он так и не смог поднять глаза на кровь на подушке или же встретиться с ее пустым обвиняющим взглядом. Вместо этого Харри разглядывал спинку кровати,

лошадь с оторванной головой, изо всех сил надеясь, что туман вскоре рассеется и он наконец-то проснется.

Глава 10

Не было печали

Вокруг него то возникали, то снова умолкали чьи-то голоса.

– Я старший инспектор Том Волер. Может кто-нибудь из присутствующих озвучить краткую версию случившегося?

– Мы прибыли три четверти часа назад. Здесь находился электрик, который ее и обнаружил.

– Когда он ее нашел?

– В пять. И сразу же позвонил в полицию. Его имя... сейчас посмотрим... Рене Йенсен.

Тут у меня еще есть его личный номер и адрес.

– Превосходно. Позвоните и пробейте его по нашей базе.

– О'кей.

– Рене Йенсен?

– Да, это я.

– Подойдите-ка. Моя фамилия Волер. Скажите, как вы сюда попали?

– Я уже рассказывал тем, другим: с помощью запасного ключа. В четверг она приходила ко мне в мастерскую и дала его мне, потому что не могла быть дома, когда я приду.

– Ей что же, в это время на работу надо было?

– А я почему знаю? Хотя не думаю, чтобы она работала. Ну то есть так, как все. У нее там какая-то большая выставка была и все такое...

– А, значит, художница. Кто-нибудь здесь о ней слышал?

Дружное молчание.

– Что вы делали в спальне, Йенсен?

– Искал ванную.

Другой голос:

– Ванная вот здесь, за той дверью.

– О'кей. Когда вы вошли в квартиру, Йенсен, вы не заметили ничего подозрительного?

– Подозрительного? Э-э... как это?

– Ну, дверь, к примеру, была заперта? Может, окна открыты? Какие-нибудь специфические запахи или звуки? Хоть что-то?

– Дверь была заперта. Никаких там открытых окон, да я вообще-то особо и не осматривался. А пахло, так это... вроде бы растворителем...

– Уайт-спирит?

Другой голос:

– В одной из комнат мы обнаружили разные принадлежности, которыми пользуются художники.

– Благодарю. Еще на что-нибудь обратили внимание, Йенсен?

– А что вы там еще говорили?

– Звуки.

– А да, звуки! Нет, звуков, пожалуй, не было. Наоборот, тихо, как в могиле. Ну то есть... кхе, кхе... я же тогда не знал, что...

– Ладно, Йенсен, все в порядке. А раньше вы покойную встречали?

– Никогда, до того самого дня, как она появилась у меня в мастерской. Такая веселая, энергичная дамочка.

– И что ей надо было?

– Починить термостат нагревателя в ванной.

– Будьте добры, гляньте, он и вправду не работает? Если там вообще есть нагреватель, конечно.

– То есть как это? А-а, понимаю, она специально все подстроила, чтобы ее так нашли, да?

– Что-то в этом роде.

– Да, но термостат-то действительно был того...

– Того?

– Сломан.

– Откуда вы знаете.

Пауза.

– Вам ведь сказано было, Йенсен, ничего здесь не трогать.

– Ну да, но пока вы приехали, прошло столько времени, а я так нервничал, что мне нужно было как-то отвлечься.

– Стало быть, теперь термостат у покойной в полном порядке?

– Ну да, типа того... кхе, кхе...

Харри хотелось отойти от кровати, но ноги отказывались повиноваться. Врач прикрыл глаза Анны, и теперь казалось, что она просто спит. Том Волер отпустил электрика, напоследок взяв с него обещание быть в ближайшие дни в пределах досягаемости. Отпустил он и дежурную бригаду из Управления, прибывшую сюда по сигналу о происшествии. Прежде Харри ни за что не поверил бы, что такое возможно, однако сейчас он даже радовался присутствию Тома Волера. Что ни говори, а опыт у Волера был. Харри чувствовал, что сам, без него, не сумел бы сейчас задать ни одного внятного вопроса и уж подавно не в состоянии был предпринять что-то разумное.

Волер попросил врача сделать предварительные выводы.

– Пуля, по-видимому, прошла насквозь через всю черепную коробку, повредив мозг и нарушив тем самым все жизненно важные функции. Если предположить, что температура в комнате не менялась, то, судя по температуре тела, она мертва уже минимум шестнадцать часов. На теле отсутствуют какие-либо иные следы насилия. Нет никаких отметин от инъекций либо иных признаков медикаментозного вмешательства. Однако... – Тут врач сделал театральную паузу: – Состояние вен на запястьях указывает на то, что это не первая ее попытка суицида. Чисто из области предположений, но навскидку я бы квалифицировал ее состояние как маниакальную депрессию или депрессию с суицидальным синдромом. Готов поспорить, мы сможем найти ее медицинскую карту у какого-нибудь психиатра.

Харри попытался что-то сказать, но и язык, подобно ногам, не желал его слушаться.

– Точнее смогу сказать, когда взгляну на нее поближе.

– Спасибо, доктор. А ты что поведаешь, Вебер?

– Оружие самое обычное – «беретта-M92F». Отпечатки на рукояти принадлежат одному человеку – скорее всего, ей самой. Пуля, застрявшая в деревянной части кровати, подходит к данному типу оружия, так что баллистическая экспертиза наверняка подтвердит, что она выпущена именно из этого пистолета. Полный отчет будет готов завтра.

– Отлично, Вебер. Да, еще кое-что. Когда электрик пришел, дверь была заперта. Я обратил внимание, что там ригельный замок, а не защелка. Следовательно, исключено, что кто-то посторонний побывал здесь и вышел, закрыв дверь. Разумеется, если он не прихватил с собой ключи покойной. Иными словами, если найдем ее ключи, то внесем ясность в этот вопрос.

Вебер кивнул и выставил на всеобщее обозрение желтый карандаш с висящей на нем связкой ключей.

– Лежали на комод в коридоре. Это универсальный ключ – подходит и к подъезду, и ко всем общим помещениям в доме. Дверь в квартиру им тоже можно открыть – я проверял.

– Замечательно. По существу, нам не хватает только собственноручно написанного прощального послания. У кого-нибудь есть возражения против того, чтобы считать этот случай вполне очевидным?

Волер по очереди обвел глазами Вебера, врача и Харри.

– О'кей, тогда нам осталось лишь сообщить печальное известие близким родственникам и провести официальное опознание.

Он вышел в коридор; Харри по-прежнему продолжал стоять у кровати. Чуть погодя Волер снова заглянул в спальню.

– Все же здорово, когда пасьянс сходится с первого раза. Верно, Холе?

Харри почувствовал, как мозг его отдал команду кивнуть, однако вовсе не был уверен, что голова послушается.

Глава 11

Иллюзия

Я просматриваю первую видеозапись. Если разбить ее на кадры, становится отчетливо видна вспышка выстрела. Пороховые частички, еще не превратившиеся в чистую энергию, похожи на рой астероидов, сопровождающих комету в ее странствии сквозь атмосферу и сгорающих в этой атмосфере по мере того, как сама комета беспрепятственно следует все дальше и дальше вглубь. И никто не в состоянии ей помешать, ибо путь ее предопределен миллионы лет тому назад, еще до появления человечества, до того, как возникли чувства, до рождения ненависти и милосердия. Пуля входит в голову, обрывая мысль, поворачивая вспять мечты. И в самой глубине сознания импульсом нервных окончаний, родившимся в центре боли, возникает последняя мысль – SOS, противоречивая мольба о помощи, обращенная к себе самому, – молнией пронзает мозг и тут же гаснет. Нажимаю на клавишу мыши, выбирая вторую видеозапись. Пока мой компьютер перемалывает информацию, продираясь сквозь мрак Интернета, я смотрю в окно на усыпавшие небо звезды и думаю, что каждая из них – свидетельство неотвратимости судьбы. В них нет никакого смысла, они выше потребности людей во всем находить логику и взаимосвязь. Потому-то они столь прекрасны, понимаю я.

Наконец вторая видеозапись готова. Я нажимаю на «play». Play a play¹⁵. Все тот же спектакль бродячего театра, правда, теперь он поставлен на новом месте. Те же реплики, движения, все тот же костюм, та же сценография. Изменены лишь статисты. И заключительная сцена. Сегодня вечером играем не трагедию.

Я вполне доволен собой. Я сумел передать суть играемой мною роли – холодного профессионала, антагониста, который точно знает, чего хочет, и если надо, то убивает. Никто даже не пытается тянуть время – после Бугстадвейен они попросту не смеют. И поэтому на те две минуты – сто двадцать секунд, – которые я сам себе отпустил, я – Бог. Иллюзия срабатывает. Миллион одежек под комбинезоном, двойные стельки, цветные контактные линзы, заученные движения.

Я выключаю компьютер, и в комнате становится темно. Снаружи доносится лишь обычный городской шум. Сегодня я встречался с Принцем. Станный тип. При общении с ним возникает двойственное чувство, как при виде египетского бегунка – крохотной птички, клюющей остатки пищи, застрявшие в зубах у крокодила. Он сказал, что у него все под контролем, у отдела грабежей и разбойных нападений по-прежнему нет никаких улик. Он получил свою долю, а я – тот еврейский пистолет, что он обещал мне достать.

Вероятно, мне бы следовало радоваться, однако ничто уже не может сделать меня прежним.

Потом я позвонил из телефона-автомата в Полицейское управление, однако они не хотели ничего говорить, пока я не представился родственником. Тогда они сказали, что это было самоубийство, Анна сама в себя выстрелила. Дело прекращено. Едва успев повесить трубку, я расхохотался.

¹⁵ Сыграть пьесу (англ.).

Часть II

Глава 12

Смерть по собственному желанию

– Альбер Камю называл самоубийство единственной по-настоящему серьезной философской проблемой, – сказал Эуне, настороженно поглядывая на серое небо над Бугстадвейен. – Поскольку решение, достойна ли жизнь того, чтобы ее прожить, или же нет, затрагивает основной вопрос философии. Все прочие – о трех мировых измерениях, о девяти или двенадцати категориях духа – возникли гораздо позже.

Харри неопределенно хмыкнул.

– Многие из моих коллег занимаются изучением причин, по которым люди совершают самоубийства. Знаешь, к какому выводу они пришли, что считают наиболее типичной причиной?

– Я как раз и надеялся, что ты поможешь мне найти ответ на этот вопрос. – Харри приходилось отчаянно лавировать на узком тротуаре, уворачиваясь от прохожих, чтобы держаться рядом с толстяком психологом.

– Просто они не желают жить дальше, – торжественно изрек Эуне.

– Звучит так, будто за это можно Нобелевскую премию давать.

Харри созвонился с Эуне накануне вечером и договорился зайти за ним в его кабинет на Спурвейс-гате в девять. Когда они проходили мимо злосчастного филиала банка «Нордеа», Харри обратил внимание, что на противоположной стороне улицы перед магазинчиком «Севен-элевен» стоит все тот же зеленый мусорный контейнер.

– Зачастую мы забываем, что решение о самоубийстве сплошь и рядом принимают здравомыслящие люди, которые просто-напросто считают, что им уже нечего ждать от жизни, – продолжал Эуне. – К примеру, старики, потерявшие спутника жизни либо внезапно почувствовавшие, что здоровье их пошатнулось.

– Эта женщина была молода и здорова. О каких же рациональных причинах может идти речь в ее случае?

– Прежде всего следует определиться, что именно считать рациональным. Если кто-либо, полностью отчаявшись, решает покончить со своей болью, лишив себя жизни, можно предположить, что он поступает вполне обдуманно. С другой стороны, трудно считать самоубийство рациональным поступком, если оно совершено человеком, понемногу выходящим из депрессии, за счет чего у него и появляются силы на совершение каких-то активных действий, к коим можно отнести и самоубийство.

– А может самоубийство произойти абсолютно спонтанно?

– Разумеется, может. Однако, как правило, ему предшествуют попытки покончить с собой, в особенности это касается женщин. В США на одно женское самоубийство приходится десять, так сказать, суицидальных попыток.

– Так сказать?

– Когда принимают пять таблеток снотворного, это уже вполне серьезный крик о помощи. Но я бы не назвал это попыткой самоубийства, коль скоро на столике остается пузырек с тем же лекарством, опорожненный лишь наполовину.

– В нашем случае речь идет об огнестреле.

– Стало быть, мужской способ.

– Мужской?

– Одна из причин, по которым попытки самоубийства у мужчин чаще бывают успешными, заключается в том, что они предпочитают способы более опасные и бесповоротные, чем женщины. Огнестрельное оружие и высотные здания, а не порезанные вены и пригоршня пилюль. Когда стреляется женщина, это скорее необычно.

– Подозрительно необычно?

Эуне кинул быстрый взгляд на Харри:

– У тебя есть основания считать, что это было не самоубийство?

Харри покачал головой:

– Просто я хочу полной определенности. Нам сейчас направо, ее квартира – чуть дальше по этой улице.

– Соргенфри-гате?¹⁶ – Эуне хихикнул и вновь опасно покосился на затянутое грозными тучами небо. – Ну да, конечно.

– Что ты имеешь в виду?

– «Sans souci». «Без печалей». Так назывался дворец гаитянского короля Кристофа, который покончил с собой, когда французы взяли его в плен. Ну знаешь, того, что развернул пушки стволами в небо и приказал стрелять, чтобы отомстить за себя Господу.

– А-а...

– А знаешь, что писатель Ула Бауэр сказал как-то об этой улице? «Я даже попробовал переехать на Соргенфри-гате, но и это не помогло». – Эуне расхохотался так, что его двойной подбородок смешно затрясся.

У подъезда их поджидал Халворсен.

– По дороге из Управления я встретил Бьярне Мёллера, – сказал он. – Мне показалось, он считает это дело до конца расследованным и закрытым.

– Нужно еще раз все осмотреть, чтобы устранить последние неясности, – отозвался Харри, открывая подъезд взятым у электрика ключом.

С предыдущего вечера в квартире ничего не изменилось, только ленту, натянутую полицейскими поперек входной двери, сняли, а труп увезли. Они прошли в спальню. В царящем там полумраке на темном фоне огромной кровати белым пятном выделялись простыни.

– И что мы будем искать? – поинтересовался Халворсен у Харри, раздвигавшего тяжелые гардины, которыми были занавешены окна.

– Запасной ключ от входной двери, – сказал Харри.

– Зачем?

– Мы исходили из того, что у покойной был один запасной ключ, который она дала электрику. Я тут навел справки. Универсальный ключ невозможно выточить у обычного слесаря, его необходимо заказывать у фирмы – изготовителя замка через мастерскую, имеющую на это специальную лицензию. Поскольку такой ключ подходит и к подъезду, и к общим хозяйственным помещениям – например к подвалу, – управляющий домом ведет за ними строгий контроль. Всем ведь известно, что, когда заказываешь новые ключи, надо иметь письменное разрешение от управляющего, верно? По соглашению с ним обладающая лицензией мастерская ведет учет всех ключей, выданных съемщикам каждой квартиры. Вчера вечером я созвонился с мастерской на Вибес-гате. Анна Бетсен заказывала два запасных ключа. Итого, значит, у нее было три комплекта. Один мы нашли в квартире, второй был у электрика. Где же третий ключ? До тех пор пока он не найден, нельзя исключать, что в момент ее смерти в квартире находился кто-то еще и этот кто-то, уходя, и запер дверь.

Халворсен понимающе кивнул:

– Ага, стало быть, третий ключ.

¹⁶ Улица Беспечальная (норв.).

– Вот именно, третий ключ. Ладно, Халворсен, начинай искать, а я пока хочу кое-что показать Эуне.

– О'кей.

– Да, и еще. Не удивляйся, если обнаружишь здесь мой мобильный. По-моему, я вчера забыл его здесь.

– Мне казалось, ты говорил, что потерял его еще позавчера.

– Ну да, потерял, потом нашел, а теперь вот снова где-то оставил. Что, скажешь, с тобой такого не бывает?

Халворсен отрицательно покачал головой. Харри между тем уже увлек Эуне в коридор и потащил в глубь квартиры.

– Хочу спросить тебя кое о чем, поскольку ты единственный художник, которого я знаю лично.

– Положим, это слишком сильно сказано. – Эуне все еще никак не мог отдышаться после подъема по лестнице.

– Брось, ты, по крайней мере, как-то разбираешься в искусстве. Так что, надеюсь, сможешь хоть что-то тут прояснить.

Харри распахнул дверь в дальнюю комнату, хлопнул по выключателю и сделал приглашающий жест. Однако, вместо того чтобы осматривать три полотна, стоящие посредине мастерской, Эуне, тихонько пробормотав что-то вроде «ой-ой-ой», поспешно направился в самый угол комнаты, к трехглавому торшеру. Достав из внутреннего кармана твидового пиджака очки, он наклонился к массивной ножке, пытаясь разобрать какую-то надпись.

– Ну, доложу я вам! – восхищенно воскликнул он. – Да ведь это же настоящий торшер работы Гриммера.

– Гриммера?

– Бертол Гриммер. Всемирно известный немецкий дизайнер. В числе его работ – проект монумента Победы, который Гитлер велел воздвигнуть в Париже в сорок первом году. Гриммер мог стать одним из самых выдающихся художников нашего времени, но, когда он достиг пика своей карьеры, внезапно всплыло, что он на три четверти цыган. Самого его бросили в концлагерь, а имя вычеркнули из списков тех, кто участвовал в строительстве различных зданий и прочих коллективных шедевров. Гриммер выжил, однако в каменоломне, где работали цыгане, ему раздробило обе руки. Он продолжал творить и по окончании войны, однако, видимо из-за увечья, достичь прежних высот ему уже никогда не удавалось. Хотя, готов поспорить, это как раз одна из его послевоенных работ. – Эуне почтительно потрогал один из плафонов.

Харри нерешительно кашлянул:

– Я-то имел в виду те три портрета...

– Любительская мазня, – презрительно фыркнул Эуне. – Лучше взгляни на эту очаровательную скульптуру. Богиня Немезида – излюбленный послевоенный мотив Бертола Гриммера. Богиня мести. Знаешь, кстати, что касается самоубийств, то месть довольно часто становится здесь главным мотивом. Если некто считает, что жизнь его не удалась по вине конкретного человека, то этот некто вполне может, лишив себя жизни, попытаться внушить чувство вины данному человеку. Бертол Гриммер, кстати, также покончил с собой. Предварительно убив собственную жену – у нее был любовник. Месть, месть, месть. А тебе известно, что человек – единственное живое существо, прибегающее к мести? При этом интересно, что...

– Эуне!

– Ах, ну да, эти картины. Так ты хочешь, чтобы я по ним попробовал сделать какие-нибудь выводы? Что ж, вообще-то можно сказать, что отчасти это похоже на пятна Роршаха.

– Ммм. Это такие картинки, с помощью которых вы пытаетесь вызвать у пациентов различные ассоциации?

– Верно. Только тут есть одна проблема. Если я начну истолковывать эти картины, то мои слова, скорее всего, гораздо в большей степени будут отражением моего собственного, а вовсе не ее внутреннего мира. И все же несмотря на то, что теперь никто не верит в пятна Роршаха, почему бы и нет? Посмотрим-ка... Что ж, картины довольно мрачные. Тем не менее автор скорее озлоблен, чем подавлен. Да, и одна из них, по всей видимости, не закончена.

– А может, так и надо, может, все они именно в нынешнем виде создают эффект некой целостности?

– С чего ты это взял?

– Не знаю. Может, потому, что свет каждого из рожков торшера падает строго на одну из картин. Тебе так не кажется?

– Хм. – Эуне в задумчивости прижал палец к губам. – А ведь ты, пожалуй, прав. Да, точно прав. И знаешь, что из этого следует, Харри?

– Ну-у нет.

– Извини за выражение, по-моему – ни хрена! Это все, что тебе было от меня нужно?

– Да. А, или вот еще такая мелочь, раз уж ты сам художник. Видишь, палитра стоит слева от мольберта. Это ведь неудобно, а?

– Точно, если только художник не левша.

– Понятно. Ладно, пойду помогу Халворсену. Не знаю, как тебя и благодарить, Эуне.

– Пустяки. Просто припишу себе лишний часок, когда буду выставять вам счет в следующий раз.

Халворсен уже успел отработать спальню.

– Не много же у нее было вещичек, – заметил он. – Такое впечатление, что проводишь обыск в гостиничном номере. Одежда, туалетные принадлежности, утюг, полотенца, постельное белье и тому подобное. Никаких тебе семейных фотографий, писем или иных личных бумаг.

Часом позже Харри и сам имел возможность убедиться в правоте Халворсена. Они прошерстили всю квартиру и вернулись в спальню, так и не найдя ничего – ни единого счета за телефон, ни даже банковской квитанции.

– Очень странно, – резюмировал Халворсен, присаживаясь на письменный стол рядом с Харри. – Должно быть, она сделала уборку. Видно, уходя, решила прихватить с собой все личное, ну, ты понимаешь.

– Понимаю. А лэптопа ты тут нигде не встречал?

– Лэптопа?

– Ноутбука, портативного компьютера?

– А с чего это вдруг?

– Видишь след вот тут, на деревяшке? – Харри показал на белесый четырехугольник на крышке стола как раз между ними. – Похоже, здесь стоял лэптоп, который потом отсюда забрали.

– Ты так думаешь?

Харри ощутил на себе испытующий взгляд Халворсена.

Некоторое время они постояли на улице, разглядывая окна ее квартиры – темные квадраты на бледно-желтом фоне дома. Харри закурил помятую, чуть не в гармошку сложенную сигарету, которую нашел во внутреннем кармане плаща.

– Чудно это как-то с ее родней, – сказал Халворсен.

– Ты о чем?

– Разве Мёллер тебе не рассказывал? Они не нашли ни ее родителей, ни сестер, ни братьев – только дядьку, который, кстати, сидит. Мёллеру самому пришлось звонить в похоронное бюро, чтобы они приехали и забрали несчастную. Как будто в самой смерти мало одиночества.

– Да уж. Что за похоронное бюро?

– Сандеманна, – отвечал Халворсен. – Дядька настоял, чтобы ее кремировали.

Харри сделал глубокую затяжку и проследил за тающим облачком дыма. Конец процесса, который был начат крестьянином, бросившим табачное семя в перепаханное поле где-то в далекой Мексике. Через четыре месяца семя превратилось в зеленое растение высотой в человеческий рост, спустя еще два его убрали, срезали листья, высушили, отсортировали, упаковали их и отослали на одну из фабрик Р. Дж. Рейнольдса во Флориде или Техасе, где в конце концов табачные листья превратились в сигареты «кэмел» с фильтром в вакуумной упаковке. Желтые пачки «кэмела» запечатали в картонные ящики и погрузили на корабль, плывущий в Европу. И вот спустя восемь месяцев частица этого когда-то зеленого, согретого мексиканским солнцем листа вываливается из пачки и застревает в кармане плаща некоего алкаша, когда он оступается на лестнице или выходит из такси, а может, когда использует этот плащ как одеяло, не сумев или просто не решившись открыть дверь собственной спальни из страха перед прячущимися под кроватью чудовищами. Когда же он наконец находит смятую и облепленную соринками сигарету, он сует ее в рот, из которого несет перегаром, и подносит зажигалку к другому концу. На какой-то миг высушенный и измельченный табачный лист проникает в легкие, доставляя их обладателю подлинное наслаждение, а затем вырывается наружу, обретая долгожданную свободу. Свободу раствориться в воздухе, развеяться, стать ничем. И сразу же быть забытым.

Халворсен пару раз осторожно кашлянул:

– А как ты догадался, что она заказывала эти ключи именно в мастерской на Вибес-гате?

Отбросив окурок, Харри поплотнее запахнул плащ.

– Похоже, Эуне был прав, – сказал он. – Будет дождь. Если ты прямо в Управление, то я с тобой.

– Харри, ведь в Осло наверняка не одна сотня таких мастерских.

– Мм. Я позвонил заместителю председателя жилтоварищества, Кнуту Арне Рингнесу. Славный малый. Он сказал, что они вот уже лет двадцать пользуются услугами именно этой мастерской. Ну что, погнались?

– Хорошо, что ты пришел, – сказала Беата Лённ, когда Харри открыл дверь «Камеры пыток». – Я тут вчера кое-что обнаружила. Вот, взгляни. – Она перемотала пленку немного назад и нажала на «паузу». На экране появился подрагивающий кадр: крупный план лица Стине Гретте, обращенного к одетому в маску грабителю. – Я увеличила часть кадра, чтобы взять лицо Стине как можно крупнее.

– И зачем это тебе? – поинтересовался Харри, плюхаясь на стул.

– Если взглянуть на счетчик, получается, что это было за восемь секунд до того, как Забойщик выстрелил...

– Забойщик?

Девушка смущенно улынулась:

– Это я так его называю, ну, просто для себя. У моего дедушки был хутор, ну и я...

– А где?

– Валле в Стенсдалене.

– И там ты видела, как забивают скотину?

– Да.

Тон, каким это было сказано, ясно свидетельствовал, что она не намерена развивать данную тему. Беата нажала на кнопку замедленного воспроизведения, и лицо Стине Гретте ожило. Харри было видно, как глаза ее медленно моргают, а губы шевелятся. Он уже приготовился было к выстрелу, когда Беата внезапно выключила запись.

– Видел? – заметно волнуясь, спросила она.

Понадобилось несколько секунд, прежде чем Харри понял, что именно она имеет в виду.

– Она говорит! – наконец воскликнул он. – Она сказала что-то прямо перед тем, как он ее застрелил! Но ведь ничего не слышно!

– Это потому, что она шепчет.

– Как же я раньше не обратил внимания?! Но зачем? И что именно она говорит?

– Надеюсь, скоро узнаем. Я связалась со специалистом по чтению по губам из Центра глухонемых. Он уже едет.

– Прекрасно.

Беата посмотрела на часы. Закусив нижнюю губу, Харри набрал в легкие побольше воздуха и тихо начал:

– Видишь ли, Беата...

Он заметил, как девушка замерла, стоило ему только произнести ее имя.

– Когда-то у меня была напарница, Эллен Йельтен.

– Я знаю, – быстро сказала она. – Ее убили у Акерсельвы.

– Да. Когда мы с ней раскручивали дело, то обычно использовали разные приемы, чтобы извлечь информацию, застрявшую в подсознании. Вроде ассоциативных игр, когда пишешь на листочках по несколько слов, ну и так далее. – Харри смущенно улыбнулся. – Знаю, звучит это не особенно убедительно, но временами все же приносило результаты. Я тут подумал, мы могли бы и с тобой это попробовать.

– Что именно?

Харри вновь пришло в голову, насколько увереннее держится Беата, когда они изучают видеозапись либо разглядывают экран компьютера. Сейчас же она смотрела на него так, будто он только что предложил сыграть в покер на раздевание.

– Мне бы хотелось знать, что ты испытываешь, когда думаешь об этом деле, – пояснил он.

Она неуверенно улыбнулась:

– Чувства, ощущения...

– Да забудь ты хоть на секунду о холодных фактах. – Харри подался вперед на своем стуле. – Перестань быть пай-девочкой. Не надо придумывать никаких обоснований того, что говоришь. Просто расскажи о том, что нутром чувствуешь, когда думаешь об этом деле.

Несколько мгновений она сидела, уставившись в стол. Харри терпеливо ждал. Затем она подняла глаза и в упор посмотрела на него:

– По-моему, это так называемая гостевая победа.

– Гостевая победа?

– Победа на чужом поле. Одно из тех пятидесяти процентов преступлений, которые мы никогда не сумеем раскрыть.

– Понятно. И почему же?

– Элементарная арифметика. Если вспомнить обо всех тех идиотах, которых нам не удалось задержать, то у такого человека, как Забойщик, который прекрасно все продумал и, вероятно, имеет кое-какое представление о методах нашей работы, относительно неплохие шансы, согласись.

– Хм. – Харри потер щеку. – Стало быть, твои внутренние ощущения сводятся к простой арифметике?

– Не только. А как решительно он все это проделал! Будто им в этот момент двигало нечто такое...

– Что именно им двигало, Беата? Жажда наживы?

– Не знаю. По статистике, при ограблениях жажда наживы является мотивом номер один, за ним следует азарт, далее...

– Да забудь ты о статистике, Беата. Теперь ты следователь, ты анализируешь не только видеоматериалы, но и свое толкование того, что видела. Поверь мне, это главное, в чем должен разбираться следователь.

Беата задумчиво смотрела на него. Харри чувствовал, что понемногу выманивает ее из раковины.

– Давай-ка снова! – еще поднажал он. – Что двигало Забойщиком?

– Чувства.

– Какие чувства?

– Сильные.

– Какие именно, Беата?

Она прикрыла глаза.

– Любовь или ненависть. Ненависть. Нет, любовь. Я не знаю.

– Почему он ее застрелил?

– Потому что он... нет.

– Ну же, давай. Почему он ее застрелил? – Харри дюйм за дюймом двигал свой стул, пока не оказался практически бок о бок с девушкой.

– Потому что должен был. Потому что так было решено... заранее.

– Здорово. А почему это было решено заранее?

В этот момент раздался стук в дверь.

Харри отнюдь не расстроился бы, если бы Фриц Бьелке из Института глухонемых продемонстрировал меньшее рвение, когда, стремясь как можно скорее прибыть к ним на помощь, объезжал на своем велосипеде многочисленные пробки в центре города. Однако в данный момент этот веселый полный человечек в круглых очках уже стоял на пороге «Камеры пыток», крутя в руках розовый велосипедный шлем. Бьелке не был глухим, как, впрочем, и немым. Чтобы он сумел лучше разобраться в особенностях артикуляции Стине Гретте, они сначала прокрутили ту часть видеозаписи, на которой была слышна ее речь. При этом сам Бьелке болтал не переставая.

– Да, я считаюсь специалистом, однако на самом деле все мы в той или иной степени читаем по губам, хотя одновременно и слушаем то, что говорят. Взять, к примеру, неприятное чувство, которое возникает у вас всякий раз, когда изображение и звук в фильме не синхронизированы, хотя все дело, возможно, в каких-то сотых долях секунды.

– Ну, – сказал Харри, – лично я ничего не могу понять по движению ее губ.

– Проблема в том, что по губам можно прочесть всего лишь от тридцати до сорока процентов слов. Чтобы разобрать все остальное, нужно следить за выражением лица, жестами, а также с помощью собственного языкового чутья и логики пытаться вставлять недостающие слова. Таким образом, думать здесь не менее важно, чем видеть.

– Вот она начинает шептать, – сказала Беата.

Бьелке моментально умолк и с сосредоточенным видом уткнулся в экран, стараясь не пропустить малейшее шевеление губ. Беата остановила запись за мгновение до выстрела.

– Ага, – сказал Бьелке. – Давайте-ка еще разок.

Затем он опять попросил:

– Еще.

И наконец:

– Будьте добры, сначала.

После седьмого повтора он удовлетворенно кивнул, давая понять, что просмотр закончен.

– Я не понимаю, что она имеет в виду, – сказал Бьелке.

Харри и Беата переглянулись.

– Однако знаю, что именно она говорит.

Беата чуть не бежала по коридору, пытаясь не отставать от Харри.

– Он считается лучшим специалистом в стране в данной области, – оправдывалась она.

– Ну и что? – отмахнулся Харри. – Он ведь сам сказал, что не уверен.

– А что, если она все же говорит то, что сказал Бьелке?

– Не сходится. Он наверняка проглядел «не».

– Я не согласна.

Харри резко остановился, и Беата с размаху налетела на него. Испуганно посмотрев вверх, она уперлась взглядом в его широко распахнутый глаз.

– Здорово, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла она.

– Здорово, что не согласна. Несогласие означает, что ты, вероятно, видела или же почувствовала что-то другое, хотя и сама еще не знаешь, что именно. А я вот ничего не почувствовал. – Он снова зашагал по коридору. – Будем исходить из того, что права ты. Посмотрим, куда это нас приведет.

Остановившись перед лифтом, он нажал кнопку вызова.

– А сейчас ты куда? – спросила Беата.

– Надо проверить одну деталь. Вернусь меньше чем через час.

Двери лифта плавно разъехались в стороны, и из них шагнул шеф Иварссон.

– А-а! – осклабился он. – Мастера-детективы идут по следу? Есть что мне сообщить?

– Но смысл создания параллельных групп как раз и заключается в том, чтобы ничего не сообщать друг другу, – заметил Харри, обогнул Иварссона и зашел в лифт. – Конечно, если я верно понимаю тебя и ФБР.

Иварссон широко улыбнулся, однако взгляд его при этом отнюдь не утратил твердости:

– Но ключевой-то информацией мы, разумеется, обязаны делиться.

Харри нажал на кнопку первого этажа, но тут Иварссон сделал шаг вперед и заблокировал дверцы лифта:

– Ну и?..

Харри пожал плечами:

– Стине Гретте кое-что шепнула грабителю как раз перед тем, как он выстрелил.

– Так-так?

– Нам кажется, она сказала: «Я виновата».

– «Я виновата»?

– Да.

Иварссон наморщил лоб:

– Нет, здесь, верно, что-то не так. Больше подходило бы, скажи она: «Я *не* виновата», то есть не виновата в том, что управляющий на шесть секунд дольше упаковывал деньги в сумку.

– Не согласен, – заявил Харри, демонстративно поглядывая на часы. – Нам помогал ведущий специалист страны в этой области. Но подробности тебе сможет сообщить и Беата.

Иварссон облокотился на одну из дверей лифта, которая в продолжение всей беседы стучалась о его спину:

– Значит, она просто настолько растерялась, что пропустила «не». И это все, что у вас есть? Беата?

Беата залилась краской:

– Я как раз начала просматривать видеозапись ограбления на Киркевейен.

– Есть какие-нибудь соображения?

Взгляд девушки метнулся от Иварссона к Харри.

– Пока что никаких.

– Стало быть, ничего, – подытожил Иварссон. – Тогда вас, видимо, порадует, что мы вычислили девятерых подозреваемых, которых намереемся допросить. А также у нас появился план, каким образом выудить наконец хоть что-нибудь из Расколя.

– Расколя? – переспросил Харри.

– Расколь Баксхет – крысиный король собственной персоной, – сказал Иварссон, взялся за поясной ремень, сделал глубокий вдох и с чрезвычайно довольным видом подтянул брюки. – Но подробности тебе сможет сообщить и Беата.

Глава 13

Мрамор

Харри знал, что иногда бывает чересчур уж брюзглив и капризен. Взять хотя бы Бугстад-вейен. В чем тут дело, он и сам толком не понимал. Может, в том, что люди на этой улице, словно вымощенной золотом и нефтью и расположенной на самой вершине радости в Счастливой стране, никогда не улыбались. Сам Харри, правда, тоже не улыбался, но он-то жил в районе стадиона «Бишлет», за улыбки ему никто не платил, да к тому же сейчас у него не было веских причин для радости. Однако это вовсе не означало, что он, подобно большинству соотечественников, не любил, когда улыбались *ему*.

В глубине души Харри честно пытался оправдать хмурый вид стоящего за прилавком «Севен-элевен» парня тем, что ему, наверное, не по душе эта работа, что он тоже живет в Бишлете, а также упорно моросившим надоедливym дождем.

Выражение бледного личика, расцвеченного ярко-красными прыщами, при виде полицейского удостоверения Харри осталось абсолютно безразличным.

– Откуда мне знать, давно ли стоит здесь этот контейнер?

– Но он же такой заметный, зеленый, и при этом наполовину загораживает тебе вид на улицу, – не отступался Харри.

Юнец со стоном уперся ладонями в тощие бедра, на которых болтались брючки:

– Ну, неделю. Или около того. Слушай, не задерживай, за тобой уже очередь.

– Хм. Я в него заглядывал. Он почти пустой – лишь несколько бутылок да старые газеты. Ты не знаешь, кто его заказывал?

– Нет.

– Вижу, тут у тебя над прилавком камера наблюдения. Вроде она должна захватывать и этот контейнер под окнами?

– Тебе виднее...

– Если у вас сохранилась запись с пятницы, я бы хотел ее просмотреть.

– Позвони завтра, когда здесь будет Тоббен.

– Тоббен?

– Хозяин.

– У меня другое предложение: звякни этому Тоббену прямо сейчас и попроси разрешения отдать мне пленку. Как только я ее получу, мигом испарюсь.

– Да ты оглянись! – начал кипятиться юнец, и прыщи его зарделись еще ярче. – Нет у меня сейчас времени искать какую-то видеозапись.

– Что ж, – не сдавался Харри, так и не пожелав оглядеться, – тогда, может, после закрытия?

– Мы работаем круглосуточно. – Юнец страдальчески закатил глаза.

– Я пошутил, – сказал Харри.

– Вот как, тогда ха-ха, – по-прежнему сонным голосом парировал парень. – Будешь подкупать или как?

Харри отрицательно мотнул головой. Глядя ему за плечо, юнец громогласно возвестил:

– Касса свободна!

Тяжело вздохнув, Харри повернулся наконец к очереди, потянувшейся было к прилавку:

– Касса не свободна. Я сотрудник полиции Осло. – Он продемонстрировал свое удостоверение. – Этот человек арестован, поскольку не видит разницы между словами «покупать» и «подкупать».

Как уже говорилось, иногда Харри бывал чересчур уж брюзглив и капризен. Тем не менее сейчас реакция очереди его вполне удовлетворяла – он любил, когда ему улыбались.

Однако вовсе не такой улыбкой, которая, по-видимому, входит в круг обязательных учебных предметов для тех, кто хочет стать пастором, политиком либо агентом похоронного бюро. Разговаривая, они улыбаются *глазами*. Данное обстоятельство придавало господину Сандеманну из похоронного бюро Сандеманна столько участия и сердечности, что вкупе с температурой, царящей в майорстуанской кладбищенской церкви, это заставляло Харри время от времени непроизвольно вздрагивать и ежиться. Он осмотрелся по сторонам. Два гроба, стул, венок, похоронный агент, черный костюм, лысина с зачесом.

– Она выглядит так красиво, – говорил Сандеманн. – Такая спокойная. Умиротворенная. Торжественная. Вы, вероятно, член семьи?

– Не совсем.

Харри показал свое полицейское удостоверение в тайной надежде, что сердечность предназначена лишь родным и близким. Как выяснилось, он ошибался.

– Трагично, когда столь юная особа покидает нас подобным образом.

Пожимая ему руку, Сандеманн продолжал улыбаться. Пальцы у похоронного агента оказались необычайно тонкими и гибкими.

– Мне необходимо осмотреть одежду, которая была на покойной, когда ее обнаружили, – начал Харри. – В похоронном бюро мне сказали, что ее забрали сюда.

Сандеманн кивнул, достал белый пластиковый пакет и пояснил, что носит вещи с собой на случай, если появятся родители либо иные родственники и ему придется срочно их отдать, предварительно выписав квитанцию. Харри попытался обнаружить карман в черной юбке, однако тщетно.

– Ищите что-то определенное? – самым невинным тоном поинтересовался Сандеманн, заглядывая Харри через плечо.

– Дверной ключ, – сказал Харри. – Вы ничего не находили, когда... – Харри покосился на гибкие пальцы Сандеманна, – когда ее раздевали?

Сандеманн прикрыл глаза и покачал головой:

– Под одеждой у нее не было ничего. Разумеется, если не считать фотографии в одной из туфель.

– Фотографии?

– Да. Странно, не правда ли? Наверное, у них такой обычай. Она по-прежнему лежит там, в туфле.

Харри достал из пакета черную туфлю на высоком каблуке, и в сознании его вдруг вспышкой промелькнуло: стоя в дверях, она встречает его. Черное платье, черные туфли, алые губы. Ярко-алые губы.

Помятая фотография оказалась снимком женщины с тремя детьми, сидящей на пляже. Какое-то курортное местечко в Норвегии. На заднем плане – заглаженные морем скалы и сосны.

– Из родственников кто-нибудь пришел? – поинтересовался Харри.

– Только ее дядя. Разумеется, в сопровождении одного из ваших коллег.

– Разумеется?

– Ну да, я так понял, что он отбывает наказание?

Харри промолчал. Сандеманн склонился вперед, изогнув спину так, что его маленькая головка оказалась ниже уровня плеч, придавая ему поразительное сходство с грифом.

– Интересно бы знать за что? – Свистящий шепот сродни резкому птичьему крику еще более усугублял сходство. – Я имею в виду, ему ведь даже не позволили присутствовать на похоронах.

Харри кашлянул:

– А я могу ее видеть?

Сандеманн был явно разочарован; тем не менее он сделал учтивый жест, взмахом руки указывая в сторону одного из гробов.

Как всегда, Харри поразило, насколько работа профессионалов способна приукрасить труп. Анна и впрямь выглядела умиротворенной. Он дотронулся до ее лба. Все равно как если бы он коснулся мрамора.

– Что за ожерелье у нее на шее? – спросил Харри.

– Золотые монеты, – сказал Сандеманн. – Принес с собой ее дядя.

– А это что? – Харри поднял толстую пачку сотенных купюр, перехваченных широкой коричневой резинкой.

– Такой уж у них обычай, – повторил Сандеманн.

– У кого это «у них»?

– А вы разве не знали? – Наконец-то и узкие влажные губы Сандеманна растянулись в подобие улыбки. – Ведь она из цыган.

Почти за всеми столиками в кафе Полицейского управления было многолюдно и шумно. Кроме одного. Харри прошел напрямик к нему.

– Со временем тебя начнут здесь узнавать, – бросил он вместо приветствия.

Беата, не оценив иронии, вопросительно посмотрела на него снизу вверх, и Харри подумал, что между ними гораздо больше общего, чем ему казалось поначалу. Усевшись, он положил на стол перед девушкой видеокассету.

– Это запись из магазинчика «Севен-элевен» напротив банка, сделанная в день ограбления. И еще одна – за прошлый четверг. Посмотри, может, отыщешь что-нибудь интересное.

– Ты имеешь в виду, посмотреть, не заходил ли туда грабитель?

Беата с трудом ворочала языком – рот был набит хлебом и печеночным паштетом. Харри отметил про себя, что на столе перед ней лежит пакет с захваченными из дома бутербродами.

– Ну, хотелось бы надеяться, – уклонился он от прямого ответа.

– Да уж, – подтвердила девушка и сделала мучительное усилие, стараясь проглотить то, что жевала. От напряжения на глазах у нее даже выступили слезы. – В девяносто третьем при ограблении на Фрогнере отделения «Кредитного банка Кристиании» налетчик принес с собой пластиковые пакеты для денег с рекламой фирмы «Шелл». Мы тут же проверили видеозапись с камеры наблюдения на ближайшей бензозаправке «Шелл», и оказалось, что он купил пакеты именно там за десять минут до ограбления. Он был в той же самой одежде, но без маски. Полчаса спустя мы его уже арестовали.

– Мы – десять лет назад? – вырвалось у Харри.

Лицо Беаты вспыхнуло мгновенно, как сигнал светофора. Схватив очередной ломтик хлеба, девушка попыталась укрыться за ним.

– Я имела в виду, мой отец, – пробормотала она.

– Извини, я не хотел.

– Ничего страшного, – последовал быстрый ответ.

– Ведь твой отец, он же...

– Погиб, – сказала она. – Уже давно.

Харри сидел, сосредоточившись на собственных ладонях, и невольно прислушивался к тому, как жуют окружающие.

– А зачем ты принес еще и запись, сделанную за неделю до ограбления? – спросила Беата.

– Контейнер, – односложно откликнулся Харри.

– Что за контейнер?

– Я позвонил в Службу уборки мусорных контейнеров и навел справки. Его заказал в четверг некий Стейн Сёбстад, проживающий на Индустри-гате. На следующий день контейнер был доставлен на оговоренное место прямо перед окнами «Севен-элевен». В Осло проживают

два Стейна Сёбстада, и оба заявляют, что не заказывали никакого контейнера. Я считаю, что налетчик позаботился об установке контейнера именно в этом месте, чтобы он перекрывал обзор из окон магазина и камера слежения не смогла бы зафиксировать его, когда он будет выходить из банка и пересекать улицу. Если в тот день, когда был заказан контейнер, он побывал в «Севен-элевен», чтобы еще раз все хорошенько проверить, то, вполне вероятно, на записи мы сможем увидеть человека, поглядывающего на камеру, а также из окна в сторону банка, чтобы прикинуть угол съемки, ну и все такое.

– Если повезет. Наш свидетель, проходивший в это время мимо «Севен-элевен», говорит, что, когда налетчик пересекал улицу, он по-прежнему был в маске. Спрашивается, зачем ему тогда все эти заморочки с мусорным контейнером?

– Может, он собирался снять маску как раз при переходе улицы. – Харри вздохнул. – Не могу сказать. Знаю только, что с этим зеленым контейнером что-то не так. Он простоял там уже неделю, и за исключением случайных прохожих, кидающих туда разный мусор, похоже, никто им так и не пользовался.

– О'кей, – сказала Беата, поднимаясь и забирая пленку.

– Да, еще одно, – остановил ее Харри. – Что ты знаешь об этом Расколе Баксхете?

– О Расколе? – Беата наморщила лоб. – До того как добровольно прийти и сдаться, он считался своего рода мифической фигурой. Если верить слухам, он имеет то или иное отношение к девятистам процентам всех ограблений банков в Осло. Готова поспорить, этот человек способен опознать всякого, кто за последние двадцать лет совершил здесь хотя бы одно ограбление.

– А, так вот для чего он понадобился Иварссону. И где он отбывает срок?

Беата указала большим пальцем куда-то себе за спину.

– Отделение А, первый надземный уровень.

– В Бутсене?¹⁷

– Да. И за все то время, что он там сидит, отказывается сказать хоть слово кому бы то ни было из полиции.

– Так почему Иварссон думает, что для него он сделает исключение?

– У него наконец-то появилось нечто такое, что может стать предметом торга. Расколь выразил пожелание. В Бутсене говорят, это единственное, о чем Расколь попросил с тех пор, как попал туда. Речь идет о его недавно умершей родственнице.

– О чем ты говоришь? – Харри оставалось лишь надеяться, что выражение лица его не выдаст.

– Через два дня ее должны хоронить, и Расколь отправил директору тюрем Норвегии прошение разрешить ему присутствовать на похоронах.

Беата ушла, а Харри задержался. Обеденный перерыв подошел к концу, и столовая понемногу пустела. Если верить рекламе, она была «светлой и уютной», как и все предприятия, входившие в систему Государственного управления столовых и буфетов; видимо, поэтому Харри предпочитал питаться где-нибудь в другом месте. Внезапно ему вспомнилось, что именно здесь он танцевал с Ракелью на корпоративной вечеринке, именно тогда он решил во что бы то ни стало завоевать ее. Или все было наоборот? Он как будто до сих пор ощущал изгиб ее спины под своей ладонью.

Ракель.

Через два дня Анну похоронят; никто не сомневается, что она погибла от собственной руки. Единственный, кто там присутствовал и мог бы поколебать их уверенность, был он сам. Однако он ничего не помнил. Так почему бы не оставить все как есть? Ведь он ничего не

¹⁷ Тюрьма в Осло.

выигрывает, а вот потерять может все. В конце концов, даже если б не было иных причин, почему бы не позабыть об этом деле хотя бы ради них – ради него и Ракели?

Харри облокотился на стол и зарылся лицом в ладони.

А если бы он действительно мог поколебать всеобщую уверенность, стал бы он это делать?

Сидящие за соседним столиком обернулись на резкое шарканье отодвигаемого стула и увидели, как стриженный под ноль длинноногий полицейский с подмоченной репутацией чуть ли не бегом покинул столовую.

Глава 14

Удача

Колокольчик над входной дверью тесного темного магазинчика зашелся лихорадочной трелью, когда двое мужчин чуть ли не бегом ворвались внутрь. «Фрукты и табак Элмера» было одним из последних оставшихся в городе заведений подобного рода – так называемых киосков. Одну стену занимали стеллажи с авто-, мото-, спортивными и охотничьими журналами, другую – с печатной продукцией в стиле мягкого порно. Третью стену украшали сигаретные и сигарные пачки, а на прилавке среди разбросанных в беспорядке, слипшихся лакричных палочек и посеревших прошлогодних марципановых поросят с рождественскими бантами вышались три пачки билетов спортивной лотереи.

– Чуть-чуть не успели, – приветствовал вошедших Элмер, худощавый лысый нурланец с пышными усами.

– Сволочь такая, как быстро полил-то! – от души чертыхнулся Халворсен, стряхивая с плеч дождевые капли.

– Типичная осень в Осло, – подтвердил хозяин киоска, смешно выговаривая слова со своей характерной северонорвежской интонацией. – Либо засуха, либо потоп. «Кэмел-20»?

Харри кивнул и достал бумажник.

– И два лотерейных для молодого коллеги? – Элмер протянул Халворсену билеты моментальной лотереи, которые тот со смущенной улыбкой поторопился убрать в карман.

– Ничего, если я покурю здесь у тебя, Элмер? – спросил Харри, косясь сквозь грязное окно на струи дождя, хлещущие по мгновенно опустевшему тротуару.

– Валяй, – милостиво разрешил Элмер, отсчитывая сдачу. – Что ни говори, а все же эта отравка да еще азартные игры – мой хлеб насущный.

Слегка кивнув, он сделал шаг назад и скрылся за криво повешенной коричневой занавеской, из-за которой доносилось бульканье кофеварки.

– Вот этот снимок, – сказал Харри. – Мне всего-то и надо, чтобы ты выяснил, кто эта женщина.

– Только-то? – Халворсен посмотрел на помятую зернистую фотографию, которую протягивал ему Харри.

– Для начала определи, где был сделан этот снимок, – посоветовал Харри и до слез закашлялся, пытаясь удержать дым в легких. – Похоже, это какое-то курортное местечко. Если это действительно так, то там наверняка есть какой-нибудь магазинчик или контора по сдаче в аренду домиков – ну, что-то в этом роде. Если семейка на фотографии – завсегдатаи этого курорта, то, надо думать, кто-нибудь из местных, кто там работает, их знает. Выясни хотя бы это – с остальным я, так и быть, сам справлюсь.

– И все из-за того, что фотография лежала в туфле?

– По-моему, это не совсем обычное место для хранения фотографий, тебе так не кажется?

Пожав плечами, Халворсен выглянул на улицу.

– Не унимается, – сказал Харри.

– Вижу, но мне надо домой.

– Зачем?

– Затем, что есть нечто, называемое жизнью. Но тебя ведь это не интересует.

Харри слегка приподнял уголки рта, показывая, что оценил попытку пошутить:

– Ладно, валяй.

Колокольчик звякнул, и дверь за Халворсеном закрылась. Харри глубоко затянулся и принялся изучать подборку печатной продукции, выставленной в заведении Элмера. Вне-

запно он подумал, как мало у него общих интересов с обычным рядовым норвежцем. Может, из-за того, что и интересов-то, в сущности, практически не осталось? Ну да, музыка, но за последние десять лет никто не написал хоть что-нибудь стоящее, даже прежние кумиры. Фильмы? Но теперь, если он, выходя из кинотеатра, не чувствовал себя как после лоботомии, это можно было считать удачей. Все остальное – в том же роде. Иными словами, единственное, что его все так же захватывало, – это разыскивать людей и сажать их в тюрьму. Однако теперь и любимое дело не заставляло его сердце биться чаще, как бывало раньше. Самое страшное, думал Харри, кладя руку на гладкий, прохладный прилавок Элмера, что такое положение вещей уже несколько его не тревожит. А ведь, по сути, это была капитуляция. Как все же упрощается жизнь, если чувствуешь себя стариком.

Колокольчик снова нервно звякнул.

– Я забыл рассказать о том пацане, которого мы вчера сцапали за незаконное ношение оружия, – сказал Халворсен. – Рой Квинсвик из компании скинхедов, что тусуются в пиццерии Херберга.

Он стоял в дверях, а капли дождя отплясывали танец вокруг его промокших ботинок.

– Мм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.